

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

Трудный путь к свободе

«Континент» 2010. №145

Беседы в редакции

Андрей ИЛЛАРИОНОВ — родился в 1961 г. в Сестрорецке. Окончил экономический факультет и аспирантуру ЛГУ, кандидат экономических наук. В 1983 – 1990 гг. — ассистент кафедры международных экономических отношений ЛГУ. В 1990 – 1992 гг. — старший научный сотрудник и заведующий сектором Проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных экономических исследований Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. В 1992 – 1993 гг. — первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ (РЦЭР). В 1993 – 1994 гг. — глава Группы анализа и планирования при премьер министре России В. С. Черномырдине (советник премьер министра). В 2000 – 2005 гг. — советник президента России по экономическим вопросам, личный представитель президента России (шерпа) в Группе восьми. С 1994 года — директор, с 2000 г. — президент Института экономического анализа в Москве. С октября 2006 года — старший научный сотрудник Института Катона в Вашингтоне. Живет в Москве и Вашингтоне.

Трудный путь к свободе

О роли личностей и их мировоззрения

в недавней российской истории

От редакции

Главный содержательный стимул, побудивший нас взять это интервью, — в нашем постоянном стремлении разобраться в российской истории прошедшего двадцатилетия — эпохи, которая в чем то серьезно изменила страну, а в чем то удивительным образом продемонстрировала, сколь мало изменчивыми являются стереотипы поведения, оказавшиеся характерными и для нынешнего, и для советского, и для имперского периодов ее жизни. Непосредственным же поводом для беседы, текст которой публикуется ниже, стала кончина Егора Тимуровича Гайдара, последовавшая 16 декабря 2009 года и завершившая собой эту своеобразную эпоху — двадцатилетие, символом которого в большой мере и стал Гайдар. Над его гробом произносились славословия и обличения, озвучивались апокрифы, вспоминались старые мифы и создавались новые. С тех пор прошел уже почти год, и мы надеемся, что за это время страсти немного поутихли. Сейчас у нас появляется возможность вновь взглянуть на недавнюю историю, — но уже менее эмоционально и пристрастно. С этой целью мы и обратились к Андрею Николаевичу Илларионову — человеку, чьей научной добросовестности, осведомленности и дотошности доверяем безусловно.

1. Дискуссия о роли Гайдара

— Андрей Николаевич, идея взять это интервью возникла у нас давно. Но непосредственным толчком к тому, чтобы реализовать ее, стала безвременная смерть Егора Гайдара и та общественная дискуссия, которая развернулась в связи с этим и в которую Вы тоже оказались так или иначе вовлечены. Мы внимательно следили за Вашим участием в этой дискуссии по Вашему “Живому Журналу”, где Вы не раз отмечали, что сделанное Гайдаром заслуживает серьезного общественного разговора. “Но такой разговор, — писали Вы в январе, — может произойти лишь по истечении необходимого времени, приличествующего произошедшему печальному событию”.

Кроме того, Вас останавливала тогда и другая причина. Вы писали тогда: “Обычно такой разговор об ушедшем человеке начинается сразу же — с разбором его достоинств и недостатков, побед и поражений, крупных достижений и трагических ошибок. Так было после ухода всех без исключения значимых фигур нашей общественной и политической жизни — Андрея Сахарова, Галины Старовойтовой, Бориса Ельцина, Бориса Федорова. Однако такой разговор о Егоре Гайдаре пока еще не начался. Причина этого — не в том, что о нем нечего сказать. И даже не в том, что начало разговора откладывалось из-за необходимой паузы: никогда ранее в нашей нынешней жизни факт ухода человека не являлся препятствием для начала серьезного разговора о его идейном и политическом наследстве. Причина в другом — в том, что психологическая атмосфера, искусственно созданная в обществе относительно Гайдара, этого пока не позволяла. Не позволяла этого делать из-за начатой сразу же после его смерти некоторыми из его “друзей и коллег” назойливой, шумной и иногда не очень приличной кампании по мифологизации Гайдара”.

Но уже в феврале месяце Вы начали говорить о том, что дальнейшее откладывание в публичном пространстве такого разговора — разговора “без крайностей, спокойного и серьезного”, — было бы и неправильным, и непростительным. Вы обозначили тому несколько причин, о которых мы считаем необходимым напомнить нашим читателям.

Во первых, то, что Гайдар своими действиями предопределил многое в нашей экономической и политической жизни, и потому “общество нуждается не в замазывании его черной краской и не в обливании его слащавым елеем, а в серьезном и предельно честном разговоре — о том, что и как им было сделано, что не было сделано и почему... Если его взгляды были бы в нашем обществе маргинальными, — писали Вы, — то тогда, наверное, можно было бы оставить их архивам. Однако это не так. Многие гайдаровские представления, оценки, объяснения являются весьма распространенными. И это значит, что отказ от дискуссии с теми его идеями, какие являются неверными, с теми его оценками, какие являются ошибочными, с теми его объяснениями, какие являются ложными, означал бы их молчаливое признание. А вот с этим согласиться нельзя”.

Во вторых, анализируя отклики на Ваши высказывания о Гайдаре во время прошлых дискуссий (в частности, в 2008 году), Вы не могли не констатировать: “Постоянство, с которым мне задают примерно одни и те же вопросы, а кроме того воспроизводят одни и те же цитаты с ошибочными, на мой взгляд, комментариями, говорит о том, что непонимание и общественный спрос на прояснение позиций в рамках этой дискуссии по-прежнему сохраняются. Следовательно, разъяснения позиций действительно необходимы”.

В-третьих, хотя дискуссии по вопросам экономической политики Гайдара или почти всегда, но, отмечали Вы, почти всегда они шли непублично. В 1992 году их не выносили на публику из-за нежелания “политически ослабить” “реформаторское правительство”. Позже, в середине 1990-х, их не выносили из-за опасения “уменьшить шансы” на возможное раньше или позже “возвращение Гайдара во власть” и “возвращение власти к реформам”. В начале 2000-х их не выносили, потому что, пока есть такая возможность, “зачем же дебатировать? — реформы делать надо”. Ну, а затем, примерно с 2003 года, — а что тут дебатировать? — если появилась более опасная общая угроза? Правда, появившиеся время от времени публичные заявления самого Е. Т. Гайдара о том, что независимо от своего личного отношения к власти он “будет пытаться делать все возможное” для того, чтобы ей помочь, заставляли серьезно задуматься о том, воспринималась ли им эта угроза как общая, воспринимался ли им нынешний политический режим как угроза, и вообще — что именно воспринималось им как реальная угроза.

В-четвертых, то, что “не только сами ошибки, сделанные Е. Гайдаром и А. Чубайсом, но и их отказ от публичного разбора этих ошибок, от честно, откровенного и принципиального разговора об этих ошибках, привел к повторению многих из них, к дискредитации либерального и демократического движения в нашей стране, в конечном счете — к появлению и закреплению нынешнего политического режима. Режима, против которого ни один, ни другой не сказали ни слова, но которому оба оказывали активную помощь. В том числе и тогда, когда его природа ни для кого, включая, естественно, и Е. Гайдара и А. Чубайса, секретом не была”.

Наконец, в пятых, неумолимая поступь времени постепенно забирает ключевых участников событий конца 1980-х — начала 1990-х годов. Сейчас, отмечали Вы, с нами нет ни Галины Старовойтовой, ни Бориса Ельцина, ни Бориса Федорова, ни Алексея Головкина, ни — теперь — Егора Гайдара. Все меньше остается тех людей, кто непосредственно участвовал в реформах, кто помнит, что и как происходило, кто готов об этом говорить. Время стирает из памяти одни события, искажает другие. Если сейчас не воссоздать, не воспроизвести историю уходящей эпохи, — какой бы трудной, тяжелой, болезненной она ни была, — через некоторое время от нее останутся одни лишь приукрашенные мифы. Поэтому разговор об этом времени — еще и долг перед нашими согражданами.

Все это и дало Вам, на наш взгляд, полное право заявить, что откладывать такой разговор больше нельзя. “Нельзя молчать перед нынешними российскими гражданами, многие из которых оказались успешно зомбированными двумя удобно тасуемыми мифами: либо 1) “лихие 90-е” против “благословенных нулевых”, либо 2) “благословенные 90-е” против “лихих нулевых”. Ни тот миф, ни другой не отражают более сложной реальности. Нельзя молчать и перед будущими поколениями: у них все же должна быть возможность узнать о том, что, кто и как делал, и почему получилось то, что получилось. Может быть, хотя бы им удастся извлечь уроки из исторического опыта предшественников и, не повторяя их ошибок, создать наконец свободную и демократическую Россию”.

Мы совершенно согласны с Вами в этом и хотим предоставить Вам возможность такого разговора на страницах нашего журнала — разговора, который уже начался в Вашем “ЖЖ”, — но только начался.

Мы понимаем, что, как справедливо отметили Вы, ни начало такого разговора, ни его продолжение “не обещают быть легкими”. Но мы, как и Вы, не хотели бы

продолжать дискуссию о Гайдаре в той интонации и в той форме, в какой это получилось первоначально, потому что проблема-то, в общем, как нам представляется, не в самом по себе Гайдаре как личности, хотя это, безусловно, феномен очень важный, о котором мы будем говорить. Но самое главное — понять все таки, аналитически ясно понять, что же произошло тогда, в 91-м году. Как происходила эта реформа, какой она была, какие дала последствия, как, в каком стержневом направлении пошла после этого Россия. Тем более, что это, как кажется, мало кто представляет себе сейчас.

Действительно, — сегодня в стране уже другая публика, и то, что как то еще, может быть, было ясно тогда, сейчас, через двадцать лет, представляется совершенно непонятным... Так что, как кажется, имеет смысл заново — просто, как в учебнике, — рассказать о том, что это была за реформа, из чего она состояла. Чтобы любой если не пятиклассник, то десятиклассник мог в принципе понять, о чем идет речь: какие меры были приняты; что дала либерализация цен; что было сделано так, а что не так; какие тенденции это породило; какую линию развития задало. То есть дать схему всех этих реформ, как она видится Вам... А потом уже можно обсуждать причины этого, истоки, менталитет и т. п.

Попробую, пользуясь возможностями вашего журнала, дать развернутый ответ на эти вопросы. Наш, уже не первый, разговор в редакции “Континента” для меня весьма ценен: не так много осталось в нашей стране мест, где вопросы такого рода можно обсуждать спокойно, без необходимости демонстрировать лояльность той или иной партийной позиции. В этом отношении наша беседа, хотелось бы надеяться, станет своего рода продолжением того разговора, который произошел у нас два с лишним года тому назад¹.

Следует сделать одну важную оговорку: так как по ряду тем публичный разговор пойдет впервые, некоторые из формулировок могут носить предварительный характер.

И еще: перед тем как непосредственно перейти к сформулированной вами теме, я хотел бы еще раз остановиться на дискуссии, развернувшейся сразу после кончины Егора Гайдара, — дискуссии о его роли в истории нашей страны.

В этой дискуссии можно выделить несколько заметных этапов. Каждый из них оказался существенным для уточнения понимания того, что произошло в нашей стране в последнее двадцатилетие.

Первый этап дискуссии был начат Анатолием Чубайсом буквально через несколько часов после смерти Егора Гайдара...

— Да, это бросилось в глаза. Было странное чувство, что СМИ пытаются создать просто какой то культ личности Гайдара. В своем “ЖЖ” Вы даже назвали эту кампанию мифологизации “шумной и не очень приличной”. И надо сказать, что и на наш взгляд она выглядела как то не особенно уместно...

Можно понять отношение А.Чубайса к своему близкому другу. Но личные чувства не

могут быть достаточным оправданием предпринятых им попыток довольно агрессивного навязывания всему российскому обществу культа личности Гайдара как *“спасителя страны от голода, гражданской войны, распада”*. Тем более, что попытка некритического представления распространялась не только на Гайдара, но и на его коллег. (Когда я говорю о деятельности коллег Гайдара в начале 1990-х годов, то имею в виду в том числе и себя, поскольку в то время работал в российском правительстве.) Нелепость этой попытки особенно показательна на фоне того, что в книге, вышедшей под редакцией самого Гайдара еще в 1998 году, рассуждения типа *“Гайдар спас страну от голода”* высмеивались как *“верный признак отказа от серьезного анализа проблем посткоммунистической трансформации”*².

Второй этап дискуссии о роли Гайдара не заставил себя ждать. Во многом реакцией на политику вульгарного навязывания обществу культа личности Гайдара стала попытка его вульгарного же опровержения, предпринятая в совместной статье Юрием Лужковым и Гавриилом Поповым. В качестве антитезы противниками Гайдара были выдвинуты по сути три противоположных тезиса: *именно действия Гайдара* вызвали голод, гражданскую войну, распад страны.

Развернутая затем кампания публичного осуждения московских мэров напомнила худшие образцы гонений на инакомыслящих. По своей сути она преследовала цель сохранить обсуждение деятельности Гайдара на уровне примитивных и взаимоисключающих пропагандистских штампов и, следовательно, не допустить содержательного анализа того, что Гайдаром было сделано верно, и того, что им было сделано ошибочно. Успех кампании сакрализации ушедшего означал бы получение бессрочной индульгенции его коллегами, продолжающими, по их мнению, *“дело Гайдара”*.

Несмотря на временное доминирование в общественном пространстве весьма эмоциональных заявлений, на третьем этапе общественной дискуссии удалось перейти к более взвешенному обсуждению. В результате провалившимися можно признать обе крайние попытки создания полярного отношения к Гайдару — и попытку его идеализации, и попытку его демонизации. Как показывает взвешенный анализ, ни та, ни другая интерпретация его роли не соответствуют действительности.

Прошедшая краткосрочная, хотя и весьма ожесточенная, дискуссия оказалась весьма важной, поскольку помогла, пусть частично, восстановить в нашем обществе более адекватное представление о проведенных реформах, о том, что на самом деле было сделано, а что сделано не было, что было сделано правильно, а что — неверно. Она помогла отвергнуть надуманные, идеологизированные, а иногда и прямо сфальсифицированные утверждения.

Если поначалу многие люди, следуя законам массовой психологии, повторяли вброшенные штампы, то затем квази религиозный экстаз заметно ослабел, и пропагандистские лозунги и формулировки практически исчезли. Свидетельством более зрелого восприятия недавнего прошлого стала серия интервью непосредственных участников событий 1991 года в русском *“Форбсе”*³, публикации в журнале *“Итоги”*⁴, интервью Петра Авена журналу *“Медведь”*⁵. Следует отметить, что косвенным признанием неудачи в деле создания культа Гайдара стали и более поздние комментарии Анатолия Чубайса, в которых он уже воздержался от повторения своих, не соответствовавших действительности, лозунгов о спасении Гайдаром страны от голода, гражданской войны и распада.

Как бы то ни было, но теперь появляется возможность более трезвого анализа

происшедшего.

Что же касается версий для учебников, то их варианты, естественно, будут различаться позициями и целями их создателей. В любом случае, возможно, более объективные тексты смогут предложить и другие авторы, а не только непосредственные участники событий, включая и меня.

— Да, но нас интересует именно Ваша версия. Просто, повторим, мы хотели бы, чтобы Вы изложили ее так, как если бы она была признана наиболее адекватной и Вам дали написать учебник.

Должен предупредить, что с моей стороны неизбежно присутствие довольно существенного элемента субъективизма. Во первых, потому что в течение ряда лет я был членом т. н. *московско-ленинградского кружка экономистов*, в рамках которого шло обсуждение необходимых и возможных реформ. Позже, как и многие из его участников, оказавшись в российских органах государственной власти, я был вовлечен в их осуществление. Во вторых, мой субъективизм связан с личными представлениями о том, что и как надо было делать, чего следовало избегать. Наконец, мои сегодняшние представления — хотя и не полностью, но в некоторых чертах заметно — отличаются от моих представлений двадцатилетней давности.

— Ну вот, если все необходимые предуведомительные слова сказаны, давайте перейдем к сути

2. Большой переход к свободному обществу

Для начала следует упомянуть контекст, в котором реформы готовились и осуществлялись. Следует взглянуть на дело и с точки зрения тогдашних представлений участников процесса перемен, и с высоты нашего сегодняшнего понимания того, что и как необходимо было делать.

Распространенное описание ситуации конца 1980-х — начала 1990-х годов почти всегда включает указание на то, что *“тогда перед страной стояла задача перехода к рыночной экономике”*. Иными словами, внимание публики привлекается к весьма важному, но тем не менее лишь к одному из необходимых переходов — переходу к рыночной экономике. Два других важнейших общественных перехода упоминаются меньше, хотя они не менее важны.

Неизбежность для России осуществления тройного перехода была сформулирована Сергеем Васильевым и Борисом Львиным во время обсуждений в клубе “Синтез” и в московско ленинградской группе экономистов во второй половине 1980-х годов. Имелись в виду три перехода: 1) *от централизованно планируемой экономики (командной экономики, экономики бюрократического торга) к свободной рыночной*, 2) *от тоталитарного (авторитарного) политического режима, оказавшегося на рубеже 1980-*

х 1990-х годов на стадии интенсивной демократизации, к *демократической политической системе*, и 3) *от имперской формы государства к национальной*.

Все три перехода являлись составными элементами *Большого перехода* — *продвижения российского общества от несвободного состояния к свободному*, — продвижения, требовавшего освобождения как экономического, так и политического и национального.

— *Эти переходы связаны между собой?*

Они тесно связаны друг с другом, хотя каждый из них может осуществляться относительно самостоятельно. То, что в России три перехода происходили одновременно или почти одновременно, не исключало того, что в других странах подобные переходы (или часть из них) могли осуществляться в разное время. Этнически более однородные государства Центральной Европы пережили лишь двойной переход: от тоталитарной (авторитарной) политической системы к демократии и от централизованно планируемой экономики к рыночной. Перехода от имперской к национальной форме государства во многих из них (за исключением Югославии и Чехословакии) не требовалось. В восточно-азиатских странах, например, в Китае и Вьетнаме, за три последних десятилетия состоялся лишь один переход — от централизованно планируемой экономики к рыночной, перехода от авторитарной политической системы к демократии в этих странах пока не произошло.

Эти примеры показывают, что сочетания частных переходов в разных странах могли быть разными. Переход к свободному обществу необязательно должен завершиться в течение, например, двух десятилетий. Он может быть незавершенным, нельзя исключить и попятного движения. Можем ли мы, например, сегодня уверенно утверждать, что в России переход от имперской формы государства к национальной уже произошел, и что он является окончательным?

— *То есть Вы полагаете, что этот процесс может быть возвратным?*

Давайте вспомним историю. В 1917 — 1918 годах начался *первый этап распада* Российской Империи, на обломках которой возникла большая группа национальных государств. Однако затем, в течение относительно короткого исторического времени — чуть более двух десятилетий, — была проведена реинтеграция значительной части империи, за пределами которой остались лишь два ее крупных осколка — Финляндия и Польша. При этом по отношению к каждому из них обновленная империя предпринимала неоднократные попытки возвращения их в свою орбиту. В Финляндии произошла кровопролитная гражданская война, лишь победа в ней правых (белофиннов, по советской терминологии) спасла Финляндию от возвращения в лоно империи. Еще две попытки включения этой страны в СССР были предприняты во время так называемой *“зимней войны”* в 1939 — 1940 годах и *“летней войны”* в 1941 — 1944 годах.

Польшу империя тоже в покое не оставляла. Во время советско-польской войны 1920 года Красная Армия дошла до предместий Варшавы. В 1939 году совместно с нацистской Германией СССР произвел четвертый раздел Польши, в результате чего в советскую

империю была включена примерно половина ее территории.

С завершением Второй мировой войны попытки восстановления имперского контроля не прекращались. По отношению к Финляндии они увенчались определенным успехом: страна была вынуждена согласиться на размещение советской военной базы на своей территории, отказаться от членства в западных оборонительных союзах, а язык современных международных отношений пополнился термином “финляндизация”, каким теперь именуют состояние ограниченного суверенитета страны. Очередная попытка реколонизации Польши была совершена в 1944 — 1947 годах в результате сохранения советских войск на ее территории после войны и установления в ней коммунистического режима.

Поэтому первый этап распада и временной реинтеграции российской империи даже по отношению к Финляндии и Польше не завершился приобретением этими странами полноценной независимости. В еще меньшей степени это относилось к Эстонии, Латвии, Литве, Украине, Белоруссии, Азербайджану, Армении, Грузии, независимое существование которых продлилось от двух десятков до всего лишь нескольких лет. Территория нынешней Молдовы по правому берегу Днестра была отобрана у Румынии в 1940 году, так что таким образом частично была восстановлена старая имперская граница. Иными словами, во-первых, начальный этап распада российской империи относительно быстро был остановлен. Во вторых, он оказался частично обратимым.

В конце XX века начался второй этап распада империи, сопровождавшийся национальным освобождением ряда народов и возникновением группы из пятнадцати суверенных национальных государств. Однако затем мы вновь стали свидетелями возобновления попыток реставрации имперского контроля за утраченными ранее территориями. Имперская идеология и имперская практика по-прежнему демонстрируют свою живучесть.

— И Вы не исключаете возникновения нового исторического монстра — такого национального государства с имперским менталитетом?..

Прежде всего следует обратить внимание на то, что процесс превращения даже самой России в национальное государство еще далек от завершения. И, следовательно, имперская природа нашего нынешнего государственного образования — Российской Федерации — хотя и несколько ослабела, но по-прежнему сохраняется. Имперский характер ее внутренней политики предопределен прежде всего неравным правовым статусом представителей разных народов, исторически проживающих на ее территории. Наиболее очевидно он проявился в подавлении национально освободительного движения в Чечне в ходе двух последних российско чеченских войн, движений в других национальных автономиях страны, в серии идущих гражданских войн на Северном Кавказе.

Во вторых, имперский менталитет в большой степени сохранился среди разных общественных и политических групп современной России. В наибольшей степени ему подвержены сотрудники спецслужб, военные, часть бюрократии, представители которых обладают сейчас полнотой политической власти в стране. Но и представители иных политических сил оказываются подчас не меньшими империалистами, чем силовики.

Достаточно вспомнить лозунг так называемой *либеральной империи*, выдвинутый А. Чубайсом и взятый СПС на вооружение во время выборной кампании 2003 года, де-факто поддержку российского авторитарного режима в его империалистической агрессии против Грузии, высказывавшуюся Е. Гайдаром, Б. Немцовым, другими политиками, нередко воспринимаемыми в качестве “либеральных” и “демократических”.

Наконец, отчетливо имперской в последние несколько лет стала и внешняя политика российских властей. Ее официальное провозглашение произошло летом 2008 года при обнародовании Д.Медведевым концепции так называемых *зон привилегированных интересов*. Ее очевидно имперский характер особенно заметен по отношению к Грузии, Украине, Беларуси — православным странам, народы которых культурно близки для значительной части населения России. В последние годы вмешательство российских властей во внутренние дела и политические процессы во многих пост-советских государствах вышло на новый качественный уровень. Российско-грузинская война с оккупацией российскими войсками Абхазии и Южной Осетии и де-факто их аншлюсом стала империалистической авантюрой, по своему характеру более типичной для XIX — первой половины XX веков, нежели для начала XXI века.

Так что традиции имперского поведения в нашей стране имеют отношение, увы, не только к прошлому, но и к настоящему.

— *А переход от авторитарной политической системы к демократической?*

После Августовской революции 1991 года многим в нашей стране казалось, что переход от тоталитаризма к политической демократии будет переходом не более сложным, чем переход от командной экономики к рыночной. Казалось, что закрепление в российской жизни важнейших элементов демократической системы — личных гражданских свобод, политических прав, партийной конкуренции, свободных выборов, самостоятельного суда, независимых СМИ — уже произошло.

Однако сейчас, по прошествии не слишком большого времени, мы видим, что это не так. И *демократический* период существования страны — в течение двух с небольшим лет (с конца августа 1991-го по середину сентября 1993 года) — и *полудемократический* — в течение последующих примерно десяти лет (с октября 1993-го по июль 2003 года) — уже закончились. Можно пользоваться разными индикаторами и применять различные критерии, по-разному определять длительность разных этапов политического развития страны и границы между ними. Однако никем из серьезных аналитиков не подвергается сомнению то, что, по крайней мере, с рубежа поздней осени — начала зимы 2003 года политическая система России перестала быть даже полудемократической и превратилась в *авторитарную*. Так что второй важнейший переход к свободному обществу, а именно, к политической демократии, в России пока не состоялся.

Более того, начиная с 2004 года по индексам гражданских свобод и политических прав Россия сползла в менее демократичное и более авторитарное состояние, чем это было характерно, например, даже для СССР в 1989-1991 годах. Получается, что в последние годы власти КПСС наша страна была политически более свободной, чем нынешняя Россия, а советские граждане того времени имели больше гражданских свобод и политических прав, чем современные россияне. Это следует иметь в виду для понимания

масштабов колоссального разворота в общественном развитии страны, произошедшего в последнее десятилетие. Это важно также и для понимания того, когда и благодаря кому произошли переход страны к демократической политической системе и отказ от нее.

Политическое освобождение страны состоялось, прежде всего, благодаря усилиям Михаила Горбачева и его коллег. И произошло оно не на рубеже 1991 — 1992 годов, с которым часто ассоциируются качественные изменения в российском обществе, а в 1989 — 1990 годах — в результате выборов Съезда народных депутатов СССР в марте 1989 года и особенно Съезда народных депутатов России в марте 1990 года. Следует подчеркнуть также, что мартовские выборы народных депутатов России 1990 года, так же как и президентские выборы в июне 1991 года, проведенные еще при власти КПСС, оказались более свободными, чем любые выборы в независимой России после 1998 года.

— При гораздо большем участии и вовлеченности населения!

Степень охвата политическим процессом граждан страны — это один из двух важнейших критериев демократичности политической системы. Второй критерий — это интенсивность конкуренции между кандидатами, борющимися за политическую власть. По обоим критериям выборы депутатов России 1990 года, президентские выборы 1991 и 1996 годов, парламентские выборы 1993 и 1995 годов являлись наиболее свободными в недавней истории нашей страны.

К настоящему времени переход к демократической и полудемократической политической системе произошел в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, на Балканах, в странах Балтии, в Молдове, Украине, Грузии. Переход к демократии не состоялся в России, Беларуси, Армении, Азербайджане, Казахстане, странах Средней и Восточной Азии. В некоторых из этих стран авторитарный политический режим остался мало измененным, в других после короткой демократической (или полудемократической) паузы произошло возвратное движение к авторитарной системе, в третьих, как, например, в Туркменистане и Узбекистане, произошло, очевидно, его ужесточение даже по сравнению с позднесоветскими временами.

На фоне промежуточных результатов политических преобразований в примерно трех десятках стран, бывших коммунистическими в конце 1980-х годов, Россия оказалась ближе не к центрально-европейским странам, не к странам Балтии, не к Польше, Болгарии, Эстонии, Грузии, а к странам Средней Азии, Казахстану, Азербайджану, Китаю, Вьетнаму.

Что касается реформы имперского государства и избавления общества от рудиментов имперского мышления, то по классификации произошедших переходов Россия оказалась мало похожей на Чехию и Сербию — страны, бывшие метрополиями чехословацкой и югославской мини-империй. Для каждой из них состоялись переходы не только от плановой экономики к рыночной, не только от авторитарной политической системы к демократической, но и от имперского государства к национальному (без войны — в Чехословакии, с войной — в Югославии). Теперь суверенитет и независимость новых национальных государств, образованных на обломках этих мини-империй, в основном не подвергаются сомнению и элитами их бывших метрополий.

В отличие от ситуации в этих странах итоги первых двух переходов в России выглядят следующим образом: состоялся частичный переход от имперской формы государства к национальной, однако с 1994 года (со времени первой российско чеченской войны) происходит *регенерация имперского государства, имперского мышления, имперской политики*, регенерация, существенно ускорившаяся с 1999 года. Что же касается перехода политической системы страны к демократии, то можно сказать, что за исключением короткой демократической паузы в начале 1990-х годов такой переход не состоялся.

— *Так, с национальными государствами и демократической системой все более или менее понятно. А что же с рыночной экономикой? Этот то переход совершился или нет?*

В целом переход к рыночной экономике произошел. Если на время оставить в стороне вопрос о том, *какая именно* рыночная экономика создана, насколько *успешным* оказался переход к ней, насколько *эффективной* получилась новая экономическая система, и говорить лишь о факте самой трансформации, то рыночная экономика в России, несомненно, состоялась.

Следует также заметить, что переход к рыночной экономике (разного типа и качества, разной эффективности) за это время произошел практически во всех странах, бывших коммунистическими в конце 1980-х годов, — от Восточной Германии до Вьетнама, от Албании до Китая, от Эстонии до Таджикистана — за исключением лишь Кубы и Северной Кореи.

— *Учитывая нынешнее разное состояние трех переходов, можно ли дать какую-то общую оценку произошедшего за двадцатилетие?*

При оценке переходов произошедших полностью (а также произошедших частично или не произошедших совсем) можно пользоваться разными критериями эффективности, зависящими прежде всего от целей и мировоззрения оценивающих. Для реформистской части бывшей партийной элиты, административного аппарата, сотрудников спецслужб — тех людей в позднесоветских элитах, кто стремился лишь к переходу от плановой экономики к рыночной, — произошедшие изменения оказались весьма успешными. А вот для диссидентов, правозащитников, политических активистов, — тех, для кого обеспечение гражданских свобод, политических прав, формирование демократической системы были целями не менее важными, чем создание рыночной экономики, этот переход воспринимается как неудача, как провал неосуществленных надежд, как время растратченных усилий, как эпоха гибели достойных людей.

Например, для Егора Гайдара была дорога *“стабильность сложившегося режима”*, и он публично заверял, что *“вне зависимости от своих симпатий или антипатий”* будет делать все возможное для *“тех, кто стоит у власти в моей стране”*⁶. Для Анатолия Чубайса, утверждавшего, что он вместе с Егором Гайдаром *“не проиграл страну”* и *“готов рыдать”* от того, что в России *“премьер министр — бывший помощник Собчака*

*Владимир Путин, а президент — молодой юрист из команды Собчака*⁷, полученный результат — очевидная удача.

А вот, очевидно, для Сергея Ковалева, Юрия Афанасьева, Гарри Каспарова итоги двадцатилетия оказались менее приемлемыми. Не думаю, что согласились бы с Гайдаром и Чубайсом, будь у них такая возможность, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Юрий Щекочихин, Анна Политковская, Александр Литвиненко, Магомед Евлоев, Наталья Эстемирова, Макшарип Аушев, Сергей Магницкий и тысячи других российских граждан, убитых, задавленных, сожженных в Норд Осте, Беслане, Чечне, в тюрьмах, подъездах, на улицах по всей стране и за ее пределами.

Неодинаковыми ответы на ваш вопрос будут и у участников национально освободительных движений в разных регионах бывшего СССР. Скажем, в странах Балтии, сумевших создать независимые государства, ставших членами ЕС и НАТО, можно получить, очевидно, более позитивные ответы. Для национальных же элит в некоторых автономиях России результаты воспринимаются менее оптимистично. Диапазон оценок различен — в зависимости от того, кто дает ответ и какие критерии оценки он берет за основу.

Тем не менее для российского гражданина, заинтересованного в долгосрочном процветании собственной страны, по прошествии этих лет ясно, что об успешности всех трех переходов к свободному обществу, о которых у нас шла речь, говорить не приходится. Тем более нет оснований говорить об успешности переходов в иных сферах.

— *А именно?*

В частности, об успешности перехода в сфере общественной культуры. Под общественной культурой в данном случае понимаются устойчивые, регулярно воспроизводимые традиции в бытовом, экономическом, общественном, политическом поведении людей. Скажем, в ряде своих недавних работ Юрий Николаевич Афанасьев и его соавторы обращают внимание на сохранение многих культурных стереотипов, сохраняющихся в российском обществе, независимо от того, насколько меняются внешние, в том числе экономические и политические, условия⁸.

Двадцать лет назад изменение общественной культуры в качестве цели трансформации большинством политиков и экспертов даже не обсуждалось. Однако за прошедшие годы важность перехода в сфере культуры постепенно начала осознаваться. Теперь уже многими признается, что успех перехода к иной экономической, политической и правовой системе, к иной государственной форме во многом зависит от успешности эволюции общественной культуры. Такой переход в современной России пока не состоялся. Да и сами проблемы культурного перехода лишь относительно недавно стали перемещаться с периферии общественной дискуссии к ее центру.

— *Как Вы полагаете, почему?*

Отчасти это объясняется господством в мировоззрении советских и постсоветских людей

экономического детерминизма, унаследованного от марксистского образования и по-прежнему широко распространенного в российском обществе. Кроме того, экономический детерминизм играл и играет важную роль в мейнстримовских работах по общественным наукам на Западе, ставших широко доступными для российского читателя после крушения “железного занавеса”.

Экономистам, участвовавшим в реформах в начале 1990-х годов, искренне казалось, что трансформации политической системы, социальной сферы, культуры являются во многом производными от успеха экономического перехода. Многие из тех, кто оказался в органах российской власти два десятилетия назад, полагали, что их задача заключается исключительно в осуществлении экономических реформ, и если они окажутся успешными, то переходы в других сферах либо произойдут сами собой, либо — благодаря успеху экономического перехода — будут существенно облегчены. *“Мы создаем экономическую базу, кто то другой пусть обеспечит переходы в других областях”*, — такая точка зрения среди экономистов-реформаторов была широко распространена не только в начале 1990-х, но еще и в начале 2000-х годов.

Лишь осуществление значительной части (хотя и не всех) экономических реформ к середине 2000-х обнажило более глубокие препятствия для общественной эволюции, связанные с неосуществленностью культурного перехода. Лишь после того, как с принятием уже администрацией Владимира Путина большого пакета реформ в начале 2000-х годов был закреплен переход к новому экономическому бытию, лишь тогда, когда стабилизировалась макроэкономическая ситуация и восстановился экономический рост, когда ощущение перманентного кризиса постепенно стало уходить из российского общественного сознания, стали очевидными и возможности и ограничения воздействия на жизнь страны одного лишь перехода к рыночной экономике.

Если экономические реформы у нас оказались бы осуществленными в начале — середине 1990-х годов, когда их в основном провели в Центральной Европе и странах Балтии, то, возможно, и обсуждение вопросов культурного перехода у нас началось бы на десятилетие раньше. Однако бесконечные неудачи экономического реформирования 1990-х годов затянули не только восстановление объемов производства и уровня жизни населения, но и переход общественной дискуссии к новой стадии. До тех пор, пока не удавалось преодолеть “маленький холмик” экономического реформирования, не было видно “более высоких горных вершин” культурного перехода.

3. Спрос на реформы

— Правильно ли мы Вас поняли: Вы сказали, что реформы начала — середины 2000-х годов оказались успешными?

В настоящее время факт перехода России к рыночной экономике представляется совершенно очевидным. Однако если бы наш разговор происходил не сегодня, а, например, в 1995 году или, скажем, в августе 1998 года, то ответ был бы скорее всего иным. Вряд ли ктонибудь решился бы назвать ситуацию, сложившуюся на тот момент, успешным экономическим переходом.

Широко распространенными критериями минимальной успешности перехода к рыночной экономике считается снижение инфляции до более или менее приемлемого уровня и восстановление более или менее устойчивого экономического роста. Это те показатели, динамика которых легко воспринимается и более или менее однозначно интерпретируется и властями и общественностью.

Однако у многих участников дискуссий предреформенного времени, например, 1989 – 1991 годов, в том числе и у тех, кто позже оказался причастным к проведению экономических реформ, критерии реформаторского успеха были иными. Значительная часть претензий, предъявлявшихся советской плановой системе, заключалась в том, что по уровню экономического развития, по уровню жизни, по темпам экономического роста наша страна все больше отставала от окружающего мира. Независимо от того, какие именно параметры назывались в качестве важнейших — уровень и качество жизни граждан или нехватка ресурсов для проведения экспансионистской политики, — увеличивавшееся отставание страны от других стран мира было совершенно очевидным. Безотносительно к тому, какой именно желаемый образ страны тот или иной автор видел в будущем, тогдашнее экономическое отставание воспринималось как убедительное свидетельство того, что СССР не выдерживает международной конкуренции. Поэтому одним из очевидных критериев успеха предстоящих трансформаций как среди реформистской части советского руководства, так и среди представителей экспертного сообщества называлось сближение показателей уровней экономического развития и личного потребления в нашей стране и в ведущих странах Запада. Или хотя бы прекращение нашего отставания от них.

Для тех, кто следил за динамикой абсолютных объемов и душевых показателей национального дохода и валового внутреннего продукта, не был большим секретом тот факт, что, по крайней мере, с середины 1970-х годов отставание нашей страны от США и других западных стран возрастало. Тренды, характерные для последнего пятнадцатилетнего периода существования СССР, заметно отличались от тенденций предшествовавших трех десятилетий (с середины 1940-х до середины 1970-х годов), когда экономическое отставание СССР от многих западных стран действительно сокращалось.

— Те, кто сегодня с придыханием вспоминают сталинские времена, утверждают, что в послевоенном СССР жизнь с каждым годом улучшалась. Но разве это не было просто пропагандой? И можно ли верить советским статистическим сборникам — все равно сталинских, хрущевских или брежневских времен?

Разумеется, следует делать поправки на то, насколько качественной была советская статистика, насколько адекватно она отражала реальное положение дел, насколько велики были приписки. Тем не менее по многим показателям экономического и социального развития в 1950-х — 1960-х годах, первой половине 1970-х годов (это были уже и хрущевский и брежневский периоды в истории СССР) действительно наблюдалось уменьшение отрыва Советского Союза от развитых стран. Среди таких индикаторов — потребление продуктов питания, количество товаров длительного пользования, жилая площадь, детская и общая смертность, средняя продолжительность жизни. Отставание СССР от США и ряда западных стран по некоторым демографическим показателям сокращалось до середины 1960-х годов, по экономическим — до середины 1970-х.

Провозглашенный в 1957 году Н. С. Хрущевым курс “Догнать и перегнать Америку!” далеко не во всем выглядел безосновательным шапкозакидательством. Хрущев говорил о том, что тогда казалось достаточно очевидным, — о трендах экономического и социального развития, устойчиво наблюдавшихся в течение послевоенных лет и казавшихся вполне естественными. Можно было даже посчитать, когда именно (при экстраполяции существовавшего тогда превосходства СССР в темпах роста) произошла бы ликвидация его экономического отставания от Запада — к 1980-му, к 2000-му или 2050-му году. Само же преодоление отставания от развитых стран в будущем казалось тогда вполне предсказуемым и даже неизбежным — причем не только для советского руководства, но и для многих зарубежных наблюдателей. Конечно, понимание того, что общественная жизнь эволюционирует по более сложным законам, чем в соответствии с простой экстраполяцией прошлых трендов, пришло не сразу.

Однако вскоре тренды изменились: с середины 1960-х годов по демографическим показателям, с середины 1970-х годов — по экономическим. Сокращение отрыва СССР от развитого мира прекратилось, началось его отставание, нараставшее с каждым годом. О качественном изменении динамического положения страны в мире стало известно и специалистам и коммунистическому руководству, которое немедленно засекретило целые разделы демографической и экономической статистики. И для самих себя и для целей пропаганды власти пытались найти приемлемые идеологические отговорки. Однако к концу 1970-х — началу 1980-х годов осознание того, что отставание от окружающего мира приобрело характер не кратковременной флуктуации, а долгосрочного тренда, овладело, наконец, и политическим руководством СССР.

— Вы говорите о трендах роста. А как же тогда голод в начале 60-х? Как же подорожание водки и мяса, которым старики по сей день поминают Хрущева?.. А навеки вошедшая в анекдоты “царица полей”?

Серьезные проблемы с продовольственным снабжением городов в СССР были всегда. Волнения рабочих в Новочеркасске в 1962 году, вызванные повышением цен на мясо, были подавлены советскими войсками. Они не были единственными событиями такого рода. Массовые выступления граждан происходили в Караганде, Темиртау, Александрове, Муроме, Тбилиси, Грозном, Одессе.

С другой стороны, ни факты административного увеличения цен на те или иные товары, ни перебои с продовольствием в регулируемой экономике (тем более локальные) не были в состоянии существенно повлиять на динамику общенациональных показателей. Временной ряд значений ВВП для СССР, реконструированный блистательным британским экономистом (к сожалению, недавно ушедшим из жизни) Ангусом Мэддисоном, показывает, что в 1962 году этот показатель вырос на 2,7%.

Тем не менее именно десятилетие с середины 60-х до середины 70-х для многих экономических трендов оказалось переломным. Сокращение отставания СССР от США, других западных стран, продолжавшееся три десятка послевоенных лет, замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. С середины 1970-х годов разрыв в уровнях экономического потенциала и экономического развития, сокращавшийся до того времени, стал увеличиваться. В советском руководстве нарастало ощущение, что с экономикой происходит что то неладное.

Понимание, что рост экономики замедляется, и что сама она становится все более расточительной, что ресурсов для удовлетворения существующих запросов не хватает, вызвало в 1965 году к жизни *первую серьезную попытку экономического реформирования*, традиционно связываемую с именами харьковского экономиста *Евсея Либермана* и советского премьера *Алексея Косыгина*.

— *А в чем был смысл этой реформы?*

С точки зрения сегодняшнего дня она была довольно мягкой — введение новых отчетных показателей, запускавших, по мнению их авторов, действие рыночных стимулов в рамках плановой экономики. Однако по тем временам она воспринималась как довольно радикальный пересмотр основных принципов хозяйственного механизма. Экономист Игорь Бирман называл ее тогда третьей наиболее важной реформой советской экономики — после НЭПа и сталинской хозяйственной реформы 1929 – 1931 годов. В рамках реформы 1965 года была расширена хозяйственная самостоятельность предприятий, сокращено количество директивных плановых показателей с приданием ключевой роли показателям прибыли и рентабельности, ликвидированы совнархозы, восстановлена отраслевая система управления народным хозяйством.

Реформа продемонстрировала важный поворот в эволюции представлений советского экономического и политического руководства — начался постепенный демонтаж командной экономики. В чем то похожие, но более последовательные и более близкие к рыночным принципам, реформы, подготовленные Отто Шиком в Чехословакии в 1967 — 1968 годах, стали экономической частью программы преобразований Пражской весны 1968 года.

Воздействие реформы Либермана-Косыгина на темпы роста экономики оказалось весьма ограниченным: по сравнению с первой половиной 1960-х годов во второй половине десятилетия они даже немного уменьшились (4,8 и 4,7% в среднем в год). В первой половине 1970-х годов темпы роста упали еще больше — до 2,9%, а во второй половине 1970-х — даже до 1,9%. Осознание факта нарастающего экономического отставания вызвало к жизни совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “*Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы*” от 12 июля 1979 года.

— *Да, помнится, в свое время в средствах массовой информации это постановление называли “эпохальным”. Оно действительно было таким?*

Не совсем. Пожалуй, даже наоборот. Реформа 1979 года оказалась весьма слабой — как по предложенным мерам, так и по полученным результатам. Широко разрекламированные меры — переход от валовой продукции к чистой, внедрение других показателей, по которым оценивалась деятельность предприятий, усиление материального стимулирования — не привели к ускорению экономического роста. Вместо этого темпы роста ВВП продолжали снижаться — до 1,8% в год в первой половине 1980-х годов.

— Вряд ли это по сути разговора, но вот просто чтобы вспомнить: Продовольственная программа СССР и лозунг “Экономика должна быть экономной” — это разве 79-й год? Не раньше?

Это было немного позже. Лозунг “Экономика должна быть экономной” был провозглашен Леонидом Брежневым на XXVI съезде КПСС в феврале 1981-го. А Продовольственная программа СССР была принята в мае 1982 года. Тем не менее для нашего разговора важно отметить, что упомянутые вами события иллюстрировали, во-первых, ухудшавшееся состояние советской экономики, не дававшее забыть об этом ни рядовым гражданам, ни партийному руководству. Во вторых, они свидетельствовали о том, что власти постоянно пытались найти чудодейственный эликсир и среди хозяйственных инструментов и среди идеологических лозунгов. В-третьих, тогда практически не проходило и года, чтобы власть не выступила с какой либо новацией в сфере экономической политики, очередная неудача которой постепенно расширяла горизонты ее мышления и стимулировала осуществление следующего шага.

После прихода к власти Юрия Андропова были предприняты меры иного рода — под условным названием “Порядок и дисциплина”. Массовые облавы на “прогульщиков” в универмагах и кинотеатрах в 1983 году вызвали оторопь у уже достаточно либерализованного к тому времени советского общества и не имели значимых экономических последствий.

— Эта кампания, кажется, длилась всего несколько месяцев. Андропов ведь почти сразу тяжело заболел и пробыл у власти очень недолго. А год правления Черненко в этом смысле вообще как будто не замечателен ничем.

Действительно, из-за своей легендарной физической и интеллектуальной слабости, а также краткого срока пребывания во власти Константин Черненко не успел предпринять в экономике чего-либо заметного. Однако с приходом Михаила Горбачева к власти в марте 1985 года начинается непрерывная серия экономических новаций — борьба с алкоголизмом, политика ускорения, принятие законов о предприятии, о кооперации, об аренде, концепции регионального и республиканского хозрасчета, программы перехода к рыночной экономике.

Если взять за временные границы 1979 год, когда было принято постановление ЦК и Совмина о совершенствовании хозяйственного механизма, а также 2005 год, когда российским правительством была проведена последняя заметная экономическая реформа (по монетизации социальных льгот), то можно идентифицировать чуть более чем 25-летний период в истории страны, в течение которого задача “осуществления экономических преобразований” (в терминологии 1988 — 2005 гг. — “проведения экономических реформ”) почти непрерывно лидировала в национальной повестке дня. До 1979 года коммунистические власти обращались к масштабным изменениям экономической системы лишь спорадически. После 2005 года сам термин “экономические реформы” фактически исчезает из речи представителей российского

руководства.

В течение этого немногим более чем четвертьвекового периода не было иного вопроса, какой столь же последовательно занимал бы внимание властей и общества, чем экономические реформы. Лишь на короткое время на первое место в рейтинге важнейших тем выходили другие проблемы — смена первых лиц в стране, политические преобразования конца 1980-х — начала 1990-х годов, Августовский путч (и Августовская революция) 1991 года, роспуск СССР, российско чеченские войны.

После пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР в июне 1987 года, одоббивших закон о предприятии, основной вектор эволюции представлений и партийного руководства, и союзного правительства, и утверждаемого законодательства стал совершенно очевидным: *советская экономическая система движется в сторону рынка*. Задача перехода к рыночной экономике была четко сформулирована коммунистическими властями.

По их заказу были подготовлены программы экономических реформ как для СССР, так и отдельных республик, включая и Россию: программа реформ союзного правительства Николая Рыжкова, программа Леонида Абалкина, “президентская программа” (“100 дней” Николая Петракова и Бориса Федорова), “Четыреста дней доверия” Григория Явлинского, совместная программа российского и союзного правительств “Переход к рынку (Пятьсот дней)”, называвшаяся также программой Шаталина Явлинского, компромиссный план Абеда Аганбегяна, программа правительства Валентина Павлова, программа интеграции СССР в мировую экономику “Согласие на шанс” Григория Явлинского и Грэма Аллисона; программа реформ Игоря Нита и Павла Медведева, программа Евгения Сабурова, программы приватизации Михаила Малеева, Дмитрия Беднякова, Петра Филиппова. Экономические реформы обсуждались также и во многих экономических центрах, включая академические и отраслевые институты. Новыми центрами экономической мысли стали “Эпицентр” Григория Явлинского и московско-ленинградская группа Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Развернутые программы перехода к рыночной экономике были предложены советским властям консорциумом международных финансовых организаций в исследовании “Экономика СССР. Выводы и рекомендации”⁹, группой зарубежных экономистов под руководством Мертона Пека и Томаса Ричардсона в книге “Что делать?”, подготовленной и изданной в Международном институте системного анализа (IIASA) в Австрии¹⁰. К началу 1990-х годов был накоплен солидный потенциал идей по экономическому реформированию, подкреплявшийся к тому же опытом осуществления практических реформ не только в странах Восточной Азии и Латинской Америки, но уже и в странах Центральной Европы и даже в республиках Балтии (в частности, в Эстонии).

Экономические реформы лидировали в рейтинге значимости проблем страны и привлекали огромное внимание советских властей. Их действия в других областях часто выполняли своего рода вспомогательную роль. Даже преобразования политической системы с созданием Съезда народных депутатов и конкурентными выборами были начаты отчасти в надежде использовать их как средство, облегчавшее проведение экономических преобразований. Обсуждавшееся предоставление союзным центром больших прав союзным республикам в рамках СССР (в том числе с переходом на *республиканский хозрасчет*) поначалу рассматривалось с точки зрения ускорения экономических реформ “на местах”.

— Но это как раз понятно: мир для марксистов (а марксистами, как кажется, были все поголовно), как на трех китах, зиждился на экономическом базисе, так что неудивительно, что для советских властей абсолютным приоритетом были экономические реформы.

Я бы сказал, что приоритетом для властей было скорее поддержание экономической мощи, а экономические реформы воспринимались ими в качестве необходимого средства по ее созданию и поддержанию. Непосредственно же избранный тип экономических реформ явился результатом длительной эволюции представлений коммунистического руководства и, конечно же, личного выбора Михаила Горбачева. До конца 1970-х годов в постоянной повестке дня советских властей экономических реформ не значилось, и даже еще в 1983 году их пытались заменить андроповским административным прищипыванием.

Что же касается правозащитников, диссидентов, участников демократического движения, то хотя их целевые приоритеты были иными, проведение экономических реформ им не противоречило. На этой почве обнаружилась возможность для формирования политической коалиции между реформистской частью партийной и силовой бюрократии и демократическим движением по поводу осуществления программы реформ, включавшей как экономические, так и политические преобразования. Только одними участниками такого союза политические реформы воспринимались как средство для осуществления экономических реформ; для других же политическая трансформация была главной целью.

В чем то похожим образом формировалась и де-факто коалиция реформистского крыла союзной бюрократии с национальными движениями в республиках Балтии и Закавказья. Проведение экономических реформ в республиках воспринималось в качестве шага к национальной независимости; для центральных же властей это был лишь способ привлечения союзников в политической борьбе против консервативной части коммунистического руководства. Лишь тогда, когда национальные движения набрали силу, центру стало ясно, насколько неприемлемыми для него являются их конечные цели. И та политическая коалиция, которая формировалась в 1987 — 1989 годах, рассыпалась на глазах. Ее участники оказались по разные стороны баррикад, что стало очевидным в апреле 1989 года в Тбилиси, в январе 1991 года в Вильнюсе и Риге.

— Вы говорили об откровенной неудаче экономического реформирования в начале 90-х. Потом сказали, что переход к рынку оказался более или менее успешным. Но недоговорили о критериях этой успешности.

По сравнению с критериями успешности реформ, возобладавшими в обсуждениях в 1990-е годы (снижение темпов инфляции, возобновление экономического роста), в конце 1980-х — начале 1990-х годов критерии успешности реформирования воспринимались по-другому. Как для властей, так и для многих представителей аналитического сообщества критерием успеха предстоящего преобразования экономической системы должна была стать как минимум стабилизация относительных показателей экономического развития нашей страны по сравнению с западными государствами.

Сокращение удельного веса Советского Союза в мировом ВВП происходило еще с начала

1960-х годов. Прежде всего это было обусловлено снижением удельного веса населения СССР в мире из-за более высоких темпов естественного прироста в развивающихся странах. Однако затем стала снижаться и относительная величина ВВП на душу населения в СССР: с середины 1970-х годов — по сравнению с показателями США и стран Запада, а с первой половины 1980-х — и по сравнению со среднемировым уровнем. Поэтому лишь стабилизация этих соотношений означала бы, что темпы роста советской экономики не уступают темпам роста западных стран и мировой экономики. Иными словами, вместо безнадежно устаревшего к тому времени лозунга *“Догнать и перегнать!”* де-факто был выдвинут другой — *“Хотя бы не отставать!”*

По прошествии более чем двух десятилетий с начала наиболее заметных экономических реформ в конце 1980-х годов и по прошествии уже тридцати с лишним лет с конца 1970-х годов, когда тема *“экономические преобразования”* стала лидировать в национальной повестке дня, можно констатировать, что задача, сформулированная советскими властями и экспертами в 1980-х годах, по-прежнему не решена. Более того, уровень экономического развития России относительно США и западных стран сегодня ниже, чем он был не только в конце 1980-х — начале 1990-х, но и в середине 1970-х годов. Если в 1976 году российский ВВП на душу населения составлял 42,9% от тогдашнего показателя США, в 1989-м — 37,5%, в 1991-м — 35,6%, то в 2008 году — уже 31,5%, а в 2009-м — лишь 30,1%. Если в середине 1980-х годов ВВП на душу населения в России превышал среднемировой уровень на 70%, а в 1991-м — на 54%, то в 2009 году — лишь на 17%. Иными словами, в чисто экономическом отношении Россия продолжала отставать от окружающего мира и в последние два десятилетия.

Следует, конечно, отметить, что *“дно”* относительного спада было достигнуто в 1998 году: тогда ВВП на душу населения упал до 17% от американского показателя. Несомненно и то, что в 1999 – 2008 годах в нашей стране происходил быстрый экономический рост, опережавший по своим темпам рост и в США и во многих других странах, и в значительной степени сокративший катастрофическое отставание страны, возникшее в советское время и усугубленное во время *“Долгого кризиса 1990 – 1998 годов”*. Однако даже с учетом итогов последнего десятилетия, фактически удвоившего размеры ВВП по сравнению с нижней точкой экономического спада в 1998 году, результат прошедшего *“двадцатилетия реформ”* оказывается, мягко говоря, не слишком впечатляющим. Тем более что теперь не менее значимым оказывается сопоставление экономического положения нашей страны не только с Западом, но и с Востоком.

При таких результатах встают непростые вопросы об обоснованности сделанного выбора, о совершенных во время перехода ошибках, о существовавших альтернативах. Причем отказ защитников позиции, согласно которой все реформы были проведены абсолютно правильно, от обсуждения таких болезненных вопросов лишь усиливает подозрения в отсутствии у них убедительных аргументов.

4. Предложение реформ

— То есть мы правильно поняли, что общественно политическая полемика относительно плюсов и минусов проведенных реформ существенно затруднена...

Увы, полемика сильно политизирована и нередко опирается не на факты, а на мифологизированную историю реформ.

Устойчивый спрос на экономические реформы возник в конце 1970-х годов. Главным источником этого спроса были *союзные власти*. Тот, кто готовил реформы, взаимодействовал непосредственно с ними. И Леонид Абалкин, и Николай Петраков, и Борис Федоров, и Григорий Явлинский, и Евгений Сабуров, и Игорь Нит, и Павел Медведев, и Егор Гайдар — все они так или иначе работали с органами союзного управления. Пожалуй, лишь Виталий Найшуль написал свою “Другую жизнь” не для ЦК КПСС, а для Самиздата.

Появление на политической арене российского парламента и Бориса Ельцина радикально изменило сложившийся характер взаимодействия потенциальных реформаторов с властями. Думаю, что в том, что и как произошло в стране в 1991 году, был существенный элемент случайности. Если бы у Ельцина был шанс получить политическую власть в Советском Союзе, не исключено, что и история страны могла повернуться по-другому, и мы сейчас обсуждали бы, возможно, совсем другие проблемы. Но так получилось, что в силу цепочки событий Ельцин оказался избранным на Съезд народных депутатов РСФСР, а затем еще и в Верховный Совет РСФСР. Именно с помощью российского парламента — в силу более быстрого развития демократических процессов в России, чем в Советском Союзе в целом, — у Ельцина появилась возможность получить реальную политическую власть. В результате тяжелой борьбы на Съезде с перевесом в четыре голоса 12 июня 1990 года Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР.

Эта дата и стала, судя по всему, началом агонии Советского Союза. Все попытки остановить Ельцина политическими методами, в том числе и на президентских выборах с помощью Николая Рыжкова, не увенчались успехом. Когда год спустя, 12 июня 1991 года, Ельцин победил уже на прямых президентских выборах в России, то у участников будущего ГКЧП, строго говоря, не оставалось несиловых методов для того, чтобы его остановить. Тем более что последовательно провалились и другие попытки “вывести” Ельцина “из политической игры”, — в частности, с помощью спецназа КГБ.

— *О чем речь?*

Было предпринято несколько попыток решить проблему Ельцина традиционными для спецслужб способами. То ли в силу случайности, то ли в силу своего невероятного чутья Ельцину удалось избежать появления там, где его терпеливо ждали. Сейчас нет необходимости останавливаться на этом подробно. Повторим лишь, что после того, как эти попытки не удались, никаких других способов остановить Ельцина и, следовательно, распад Советского Союза у будущих ГКЧПистов уже не оставалось. Выход из СССР Балтийских государств с трудом, но еще можно было перенести, а вот выход из своего состава России Советский Союз по очевидным причинам пережить не мог. Так что дальнейшие шаги тех, кто не мог представить себе существование страны вне рамок СССР, были predeterminedены событиями 12 июня 1990 года и 12 июня 1991 года.

При этом следует все же отметить, что хотя в ГКЧП оказались люди, представления которых об обществе и общественной эволюции были, скажем так, весьма специфическими, тем не менее для некоторых из них сам факт существования рыночной

экономики не был чем то абсолютно непредставимым. Непредставимым для них являлось прекращение существования Советского Союза. Провал Августовского путча и победа Августовской революции оказались решающими в процессе роспуска СССР. Процесс, запущенный 12 июня 1990 года и достигший кульминации у стен Белого дома 19 — 22 августа 1991 года, достиг своего финала 8 декабря 1991 года в Беловежской Пуще. Иными словами, весь процесс роспуска Советского Союза был завершён за полтора года.

Дальнейшие события и в политике и в экономике в большой степени были предопределены тем, что произошло в эти восемнадцать месяцев. Специалисты, занимавшиеся подготовкой экономических реформ в Советском Союзе, оказались перед неожиданной дилеммой. Некоторые из них осознали ее сразу, некоторые — позже, но именно скорость решения ими этой дилеммы во многом предопределила их последующую политическую судьбу. Тот, кто, как теперь говорят, *считал лучше* и понял, что провал Августовского путча означает конец Советского Союза, осознал, что реальной властью становится только российская власть и, значит, работать надо с ней. Тот, кто понял это раньше других и предпринял необходимые для этого шаги, получил шанс на политическое выживание. Тот же, кто, руководствуясь традиционными представлениями, базировавшимися на истории предшествовавших десятилетий, полагал, что Россия и другие республики — это лишь второстепенные детали на фоне великого СССР с его мощной союзной властью, тот, кто пытался продолжать работать с остатками союзных властей, тем самым во многом похоронил свое политическое будущее.

Эти два подхода отчетливо проявились в действиях двух наиболее ярких представителей когорты позднесоветских экономических реформаторов — Григория Явлинского и Егора Гайдара. Ирония судьбы проявилась в том, что еще за год до августа 1991-го каждый из них был вовлечен в дела, практически противоположные тем, какими они занялись год спустя.

После своего избрания руководителем Верховного Совета России Борис Ельцин пригласил Явлинского, уже известного ему автора программы реформ для союзных властей *“Четыреста дней доверия”*, на пост вице-премьера российского правительства и попросил его подготовить программу реформ для России. Тот согласился готовить совместный документ для российских и союзных властей и пригласил для этого известных ему экономистов. Ему удалось привлечь Бориса Федорова, ставшего министром финансов и одним из соавторов программы реформ, получившей название *“Пятьсот дней”*. Евгений Ясин, бывший в то время заведующим отделом Госкомиссии по экономической реформе союзного правительства, в российское правительство не пошел, но в подготовке программы участие принял.

Неудача постигла Григория Явлинского, когда он пригласил для работы над программой реформ Александра Шохина и Егора Гайдара. Шохин служил помощником союзного министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе и предпочел им и остаться. А у Гайдара к тому времени за плечами было уже несколько лет работы с ЦК КПСС и Совмином СССР — он регулярно писал записки и для союзного правительства и для Михаила Горбачева, участвовал в подготовке книги *“Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы”*, вышедшей затем под авторством советского премьера Николая Тихонова. К 1990 году Гайдар уже поработал редактором экономического отдела журнала *“Коммунист”* и стал редактором экономического отдела газеты *“Правда”*. На предложение Явлинского Гайдар ответил отказом, сказав *“буквально, что он находится в команде Горбачева и потому не перейдет к Ельцину”*¹¹. По воспоминаниям Б. Федорова, Гайдар сослался на обязательства перед *“Правдой”* и ее главным редактором Иваном Фроловым¹². По словам Е. Ясина, Гайдар *“не привлёкся”*: *“Мне позвонил Явлинский:*

*приезжайте скорей, начинается работа над программой “500 дней”. Гайдара тоже пытались привлечь, но он не привлёкся”*¹³. Сам же Гайдар писал об этом так: *“Летом 1990 года отклоняю предложение Григория Явлинского поработать в российском правительстве. Не в последнем счете и потому, что не хочу оставлять Горбачева в тяжелое для него время”*¹⁴. Работа в российском правительстве для Гайдара, очевидно, тогда была не слишком привлекательной. Не исключено, что свою роль играло и его личное отношение к Григорию Явлинскому¹⁵. Но главное было в другом: Гайдар уходил из “Правды” в Институт экономической политики, только что созданный Горбачевым специально для него в качестве благодарности за хорошо подготовленные и понравившиеся ему материалы.

Год с небольшим спустя отношение Гайдара к Горбачеву и Ельцину немного изменилось. 19 августа 1991 года он позвонил экономическому помощнику Горбачева Олегу Ожерельеву и поинтересовался, может ли он сделать что-нибудь для его (и своего) шефа. Отсутствие информации из Фороса и уклончивая позиция Ожерельева помогли Гайдару освободиться от прежних обязательств и не мешкая продемонстрировать лояльность, говоря его собственными словами, новому, уже российскому, “начальству”¹⁶. Очевидно, день 19 августа 1991 года для Горбачева был, по мнению Гайдара, уже не столь тяжелым временем, как июль 1990 года. На следующий день партийное собрание Института экономической политики приняло решение о выходе своих сотрудников из КПСС и о ликвидации самой партийной организации. Вечером 20 августа Гайдар лично направился в российский Белый дом. На встрече с Геннадием Бурбулисом он заявил о готовности сотрудничать с Борисом Ельциным.

В отличие от Егора Гайдара Григорий Явлинский, бывший летом предыдущего года вице-премьером российского правительства и работавший над совместной российско-союзной программой реформ (“программой Горбачева-Ельцина”, “программой 500 дней”, “программой Шаталина-Явлинского”), по своему мировоззрению оставался прежде всего “человеком союзным”. Когда после провала Августовского путча кабинет Валентина Павлова был распущен, и вместо него был создан Межгосударственный экономический комитет Ивана Силаева, Явлинский стал заместителем руководителя этого комитета. На новой должности Явлинский энергично взялся за подготовку экономического договора между бывшими союзными республиками, каждая из которых к тому времени либо уже провозгласила свой суверенитет, либо же готовилась это сделать. Тогда было еще неясно, чем станет формирующийся организм — федерацией, конфедерацией, или же его не будет вовсе. Очевидно, что в своей деятельности Явлинский был не готов немедленно переориентироваться исключительно на Россию. Более того, он не считал это правильным.

В отличие от Явлинского Гайдар произвел переориентацию на сотрудничество с российской властью за один день — 19 августа. Возможно, свою роль сыграло его предварительное знакомство с прогнозами Бориса Львина о неминуемом крахе СССР. Возможно, верным оказался его политический анализ, не оставлявший шансов Горбачеву. Возможно, его не подвело аппаратное чутье. Как бы то ни было, но именно этот шаг во многом предопределил его дальнейший административный и политический успех. Предложение Гайдара Геннадием Бурбулисом было принято, и для подготовки пакета экономических реформ именно гайдаровской команде была предоставлена ставшая легендарной пятнадцатая дача в дачном поселке российского правительства Архангельское. Летом 1990 года Гайдар, казалось, совершил непоправимую ошибку, отказавшись от сотрудничества с российскими властями. Однако своей оперативной реакцией во время Августовского путча он попытался ее исправить. Когда 28 октября 1991 года на V Съезде народных депутатов Борис Ельцин произносил свою знаменитую

речь о радикальной экономической реформе, это был текст, написанный в основном уже гайдаровской командой.

Тем не менее, когда встал вопрос о назначении нового российского правительства и о формировании его экономической части, свое первое предложение 3 ноября 1991 года Борис Ельцин сделал все же Григорию Явлинскому. И лишь после того, как тот ответил на него отказом, Геннадий Бурбулис на следующий день проинформировал Егора Гайдара о назначении того на пост вице-премьера российского правительства. Строго говоря, Явлинский отказался от предложенного поста лишь тогда, когда получил отрицательные ответы на два своих предложения: о сохранении экономического договора между постсоветскими государствами и о начале реформ в России путем продажи гражданам государственной собственности со стерилизацией полученных денежных средств и постепенной либерализацией цен.

Предложение Явлинского об экономическом договоре республик могло показаться Ельцину подозрительным, поскольку, возможно, воспринималось им в качестве составной части попыток Горбачева сохранить на месте СССР “мягкую конфедерацию” под вывеской Союза Суверенных Государств (ССГ). Сохранение межреспубликанского союза в какой бы то ни было форме означало бы так или иначе сохранение Горбачева в качестве значимой политической фигуры и, следовательно, неизбежный раздел власти с ним. На это Ельцин, естественно, пойти не мог.

Так что на самом деле критерий, в соответствии с которым произошел выбор первого реформатора России, судя по всему, оказался несколько иным, чем об этом принято сейчас говорить. Выбор реформаторской команды определила не только и не столько предложенная ею содержательная программа реформирования, сколько лояльность ее руководителя политическому курсу российского руководства, о несогласии с которым Гайдар успел неоднократно высказаться в 1990-1991 годах.

5. Программы реформ

— За месяцы, прошедшие со смерти Гайдара, появилось довольно много статей, где говорится о формировании того правительства. В частности, утверждается, что никто не хотел брать власть. Это так?

Один из мифов, относящихся к тому времени, гласит, что все отказывались от власти, согласился на нее лишь один Егор Гайдар. Конечно, это не так. Готовы были (и очень хотели) взять власть многие — и Юрий Скоков, и Олег Лобов, и Святослав Федоров, и Евгений Сабуров. Но власть им не предлагалась. Предложено было двоим — Григорию Явлинскому и Егору Гайдару. Причем Явлинский сформулировал условия своего контракта. Гайдар согласился без условий.

Егор Гайдар был готов делать реформы по сути дела в любой ситуации: если существует Союз, то — в Союзе, если Союза нет, то — в России; если реальная политическая власть принадлежит Горбачеву, то — с Горбачевым, если власть у Ельцина, то — с Ельциным. Тем самым он показал себя малосентиментальным прагматиком, понимающим законы власти и неукоснительно следующим этим законам. Григорий Явлинский пытался придерживаться определенных моральных принципов и привнести их в политику.

Независимо от того, какими именно они были, ему этого не удалось.

— Приходилось читать, что программа Гайдара была последовательной, радикальной, глубокой и серьезной и что ни у кого другого ничего подобного не было. Это так? И еще: чем программа реформ Гайдара отличалась от программы реформ Явлинского?

Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под программой реформ. Если говорить о *представлении*, что нужно делать, то оно несомненно и у Егора Гайдара и у членов его команды было. Было немало статей, записок, разработок, в которых Гайдар и его коллеги высказывали отдельные идеи, предлагали возможные решения, обсуждали те или иные направления реформ. Было немало профессиональных обсуждений в рамках семинаров московско-ленинградской группы экономистов и руководимого Гайдаром Института экономической политики. Если же говорить о *написанном тексте* под названием “программа реформ”, то такого документа у гайдаровской команды не было.

Программы необходимых действий были у многих экономических команд. У Григория Явлинского и его коллег было несколько текстов (в том числе программы “Четыреста дней”, “Пятьсот дней”, “Согласие на шанс”). Программы реформ были у союзных правительств Рыжкова и Павлова. У Игоря Нита и Павла Медведева была концепция “обратимых денег”. Несколько текстов были написаны Евгением Сабуровым. Возможно, единственной заметной группой профессиональных экономистов, у какой не было подобного документа, оказалась гайдаровская команда.

Конечно, само наличие текстов программ у той или иной группы еще ничего не говорит об их качестве, а отсутствие у них текстов программ — о непонимании ее членами того, что надо было делать. Проблема однако в том, что сравнивать имеющиеся написанные программы одних команд с представлениями членов гайдаровской команды затруднительно. Ирония российских реформ проявилась, в частности, в том, что право осуществлять их было предложено тому, чья программа действий была малоизвестна за пределами круга членов его собственной команды. Впрочем, как показали дальнейшие события, представления о возможных действиях Гайдара не были слишком известными и в пределах этого узкого круга. Отсутствие публичного документа с изложением программы действий затем породило немало претензий со стороны и общественности и российского парламента, в течение всего срока существования гайдаровского правительства требовавшего от последнего ее предъявления.

Лишь летом 1992 года такую программу подготовила рабочая группа гайдаровского правительства с участием ряда российских аналитических центров под руководством Сергея Васильева и присоединившегося к нему позднее Евгения Ясина. Документ получил название “*Программа углубления экономических реформ правительства Российской Федерации*”.

— То есть Вы хотите сказать, что они сами не знали, что делают? Или просто не удосужились записать свои проекты на бумаге?

Нет, еще раз повторюсь: представления о том, что надо делать, и у Егора Гайдара и у его коллег, вне всякого сомнения, были. На семинарах московско-ленинградской группы, Института экономической политики детально и квалифицированно обсуждались вопросы внутренней и внешней либерализации, финансовой стабилизации, приватизации, последовательности реформ, их социальные ограничения, политические препятствия и многое другое. Но вот документа, который можно было бы продемонстрировать и депутатам и широкой публике и сказать: *“Вот здесь вы можете прочитать то, что мы собираемся делать”*, — до начала реформ не было. Строго говоря, документа с изложением замысла реформ (а не объяснения и оправдания их пост-фактум) не появилось и после. Лишь в 1993 году и лишь на английском языке вышла изданная Фондом Эберта в Варшаве книга под названием “Программа Гайдара”. Но это было не изложение программных документов гайдаровской команды. Это был сборник статей, посвященных разработке реформ, их обсуждению и осуществлению, написанный под руководством тогдашнего советника российского правительства, директора польского исследовательского центра CASE Марека Домбровского.

Наиболее развернутые материалы по реформированию экономики были подготовлены членами гайдаровской команды в сентябре-октябре 1991 года на пятнадцатой даче в Архангельском. Это был большой пакет нормативных документов: проекты указов президента, законов для парламента, правительственных постановлений, а также многочисленные аналитические записки об экономическом положении страны. Но для того, чтобы разобраться в этих документах, надо было брать весь этот пакет материалов и анализировать его целиком. Даже для специалистов это был не самый удобный формат работы. Широкой публике и депутатам Съезда разобраться в этом было еще труднее.

Увы, никакого единого удобочитаемого текста, в котором бы на десяти, ста или даже пятистах страницах излагались бы концепция действий правительства, их обоснование и последовательность, количественные и качественные ориентиры, возможные альтернативы и ожидаемые развилки, не было. Поэтому утверждение о том, что сторонние наблюдатели могли оценить программу реформ Гайдара, дать ей какие-либо характеристики, тем более сравнить ее с программами других экономических команд, является мифом. С другими документами можно было сравнивать не *программу реформ*, а лишь *рассказы о ней*.

В современной российской дискуссии детали подготовки экономических реформ в конце 1980-х — начале 1990-х годов оказались позабыты настолько, что сейчас можно встретить удивительные утверждения, вообще отрицающие существование чьих-либо программ, за исключением программы Гайдара: мол, ни у кого, включая и Явлинского, программы не было, а вот у Гайдара — была. Тогда, во-первых, возникает вопрос, к какому именно жанру текстов относятся документы под названиями “Четыреста дней” и “Пятьсот дней”. А, во-вторых, возникает просьба показать текст программы Гайдара. Пока это не очень получается.

Наряду с мифом о существовании текста гайдаровской программы реформ можно отметить еще несколько популярных мифов, относящихся к тому времени: что выбор первого реформатора страны произошел из-за качества его программы, что иных программ экономических реформ не было, что никто тогда не готов был взять власть, что Гайдар спас страну от голода, гражданской войны и распада.

— *Но голод был... Пенсионеры, роющиеся на помойках, просящие милостыню,*

интеллигенция, торгующая с лотков, собирающая бутылки...

То, о чем вы говорите, относится все же не к 1991-му, а к другому времени — к 1992-му и последующим годам. Осенью 1991 года голода не было. Серьезные перебои со снабжением крупных городов — были, многочасовые очереди за продовольствием — были, карточки и талоны — были. Но массового голода с резким ростом смертности и гибелью тысяч людей от недоедания осенью 1991 года не было. В то же время во многих семьях были накоплены большие запасы продуктов длительного хранения. Наиболее же острая фаза в ситуации с продовольствием, наступившая в ноябре-декабре 1991 года, была в немалой степени спровоцирована действиями самих российских властей, объявивших в конце октября 1991 года о грядущей либерализации цен 1 декабря 1991 года, но перенесшей ее вначале на 16 декабря, а затем и на 2 января 1992 года.

Неудивительно, что те граждане, у кого были свободные деньги, постарались их как можно быстрее потратить, а предприятия торговли постарались придержать товары до либерализации цен. В наибольшем проигрыше оказались люди наименее состоятельные, наиболее законопослушные и наименее склонные к радикальному изменению своего экономического поведения.

Что же касается гражданских войн на территории страны, то действия гайдаровского правительства их предотвратить не могли и не предотвратили. В 1991 году на территории России гражданских войн не было. Они начались позже. В октябре – ноябре 1992 года произошли кровавые столкновения между осетинами и ингушами в Пригородном районе. А в октябре 1993 года скоротечная гражданская война развернулась на улицах Москвы.

Не соответствует действительности и утверждение о том, что Гайдар предотвратил распад страны. Существовавший тогда СССР был распущен в результате Беловежских соглашений, в подготовке которых он сам принимал непосредственное участие. За это, думаю, его следует как раз поблагодарить. Так же как и за то, что он выступал против развязывания первой российской чеченской войны, нацеленной, как некоторые ошибочно полагают, на преодоление распада России.

6. Поворотные точки российской истории

— Хорошо, скажите, пожалуйста, принесло ли ожидавшиеся результаты осуществление гайдаровских реформ, пусть они и не были зафиксированы на бумаге и существовали лишь в виде представлений Гайдара и его коллег?

Для ответа на этот вопрос попробуем взглянуть на логику политико-экономической эволюции страны, делая упор на ключевые поворотные точки ее недавней истории. Два с лишним года тому назад мы с вами уже делали нечто подобное. Попробуем еще раз ответить на вопрос: на каких развилках в жизни страны были приняты решения, сделавшие неизбежным поворот ее политической и правовой системы в направлении нынешних авторитаризма, насилия, беззакония? Тогда мы отмечали (и сегодня это,

кажется, никем не оспаривается), что последняя по времени принципиальная точка перелома — это *лето и осень 2003 года*, когда власти арестовали Платона Лебедева и Михаила Ходорковского и начали разгром компании ЮКОС.

Почему силовики напали на ЮКОС? Почему были арестованы Лебедев и Ходорковский? Почему была разгромлена лучшая нефтяная компания страны? Ответ очевиден: у группы сотрудников спецслужб, пришедших к власти в России в 1999 – 2000 годах, сложилось впечатление, что в результате выборного цикла 2003 – 2004 годов они могут потерять значительную часть своей власти. Ими не исключалось, что на декабрьских выборах 2003 года Ходорковский и политические силы, ассоциировавшиеся с ним, могли бы завоевать существенные позиции в российском парламенте. Михаил Ходорковский не скрывал, что в случае победы своих сторонников будет добиваться перехода страны от президентской к парламентской республике.

Такое развитие событий, вне всякого сомнения, лишило бы эту группу силовиков значительного объема политической власти и экономических привилегий. Как и в случае с Ельциным в 1990 — 1991 годах, у них уже не оставалось несиловых методов для того, чтобы пресечь казавшийся им неостановимым марш Ходорковского к власти. Для сохранения своего положения они постарались сделать с Ходорковским почти то же самое, что в свое время КГБ пытался и не смог сделать с Ельциным. Попытки запугать Ходорковского и выдвинуть его из страны не удалось. “Пришлось” его арестовывать и сажать в тюрьму. Что, конечно, сопровождалось немалыми репутационными издержками, но компенсировалось, с их точки зрения, несомненной политической целесообразностью.

По сути дела аресты Лебедева и Ходорковского стали *Июльско-октябрьским путчем 2003 года* — исправленным и уточненным изданием Августовского путча 1991 года. И тот и другой были нацелены на недопущение ожидавшегося существенного перераспределения политической власти — по результатам подписания Союзного договора в 1991 году и по результатам парламентских выборов в 2003 году. В отличие от Августовского путча 1991 года Июльско-октябрьский путч 2003 года проводился силами не военных, а сотрудников спецслужб и оказался намного более успешным для его организаторов.

Тогда возникает следующий вопрос: если Июльско-октябрьский путч 2003 года был “неизбежным”, если он был предопределен более ранними событиями, то когда была достигнута предыдущая точка исторического перелома? Очевидно, им был приход Владимира Путина к власти в результате *президентских выборов 2000 года*. Однако результат этих выборов во многом был уже предопределен решениями Бориса Ельцина: в декабре 1999 года — о назначении Путина исполняющим обязанности президента страны, а за пять месяцев до того, в *августе 1999 года*, — премьер министром.

Сами же эти решения Ельцина были фактически предопределены последствиями *августовского кризиса 1998 года*, в результате которого Ельцин вынужден был отказаться от выбора своего преемника среди перебивавшихся им гражданских кандидатов — Явлинского, Гайдара, Чубайса, Немцова, Кириенко. Лишь после августовского кризиса Ельцин начал искать кандидата в президенты среди силовиков. Тогда им стали рассматриваться кандидатуры Бордюжи, Николаева, Степашина, Путина. Только кризис 1998 года, поставивший самого Ельцина на грань политического выживания, вынудил его совершить радикальный разворот в сфере поисков своего преемника и, следовательно, во многом предопределил последующее политическое развитие страны.

Но если точкой перелома оказался августовский кризис 1998 года, то тогда возникает

вопрос: а можно ли было его избежать или же каким либо образом его смягчить? Как мы уже отмечали с вами ранее, непосредственно к кризису 1998 года страну привели: макроэкономическая политика, получившая популярное название “валютного коридора”, проводившаяся в течение почти четырех лет (1995-1998 гг.) Чубайсом и Дубининым при активном участии Гайдара, а также политика, проводившаяся руководством Центробанка (Дубининым и Алексашенко) летом 1998 г. Конечно, такие действия могли привести к кризису чуть раньше или немного позже, с более или менее тяжелыми экономическими и политическими последствиями. Но неизбежность и валютного и долгового кризисов была фактически predetermined с момента начала проведения политики “валютного коридора” в 1995 году.

Почему же была начата и проводилась такая политика? Выбор ее был сделан осенью 1994 года, когда Анатолий Чубайс был назначен первым вице-премьером правительства с целью достижения финансовой стабилизации. К этому решению властей вынудил провал предыдущей попытки финансовой стабилизации, оставившей по себе память в виде так называемого *черного вторника 11 октября 1994 года*, когда валютный курс рубля за одну торговую сессию упал на 32%. Решение о финансовой стабилизации с заниженным курсом рубля (exchange-rate based stabilization program) было принято несколькими днями ранее во время экономического совещания на сочинской даче Черномырдина с участием Черномырдина, Чубайса, Дубинина, Геращенко, Вавилова.

А что же привело экономическую часть российского кабинета к такому решению? Оно было вынужденным после *провала финансовой стабилизации* в течение предшествовавших месяцев 1994 года, так как бюджетная политика, проводившаяся тогда Черномырдиным и Дубининым, оказалась чрезвычайно мягкой и весьма коррупциогенной.

Тогда возникает вопрос: а почему Черномырдин и Дубинин провалили финансовую стабилизацию 1994 года? Ответ очевиден: из-за некомпетентности, безответственности и личных интересов. А также из-за того, что в правительстве России тогда уже не было человека, добившегося к тому времени в деле финансовой стабилизации выдающихся результатов. Ее автор, Борис Федоров, бывший в 1993 году министром финансов и вице-премьером по экономическим вопросам, в начале 1994 года был вынужден уйти из правительства.

А почему Борис Федоров был вынужден уйти? Потому что из правительства его выдал *Виктор Черномырдин*, не желавший иметь в своем кабинете столь энергичного, инициативного и строптивного министра. Воспользовался же Черномырдин для этого благоприятным политическим моментом — результатами прошедших в *декабре 1993 года парламентских выборов*. Победу на них (тогда в стране еще существовала не авторитарная, а полудемократическая политическая система, и парламент значил немало) одержала ЛДПР, получившая около четверти голосов, в то время как любая из продемократических, прореформаторских, пролиберальных сил получила меньше. ЛДПР получила 22,9%, “Выбор России” — 15,5%, коммунисты — 12,4%, блок Явлинский-Болдырев Лукин, превратившийся затем в “Яблоко”, — 7,9%, 6,7% получил ПРЕС (Партия Российского единства и согласия), а Российское движение демократических реформ — 4,1%.

— Скажите, пожалуйста, а разве такие результаты можно назвать катастрофическими для демократических сил?

Конечно же, нет. По сравнению с ожиданиями это несомненно было поражение, но по факту — далеко не разгром. С учетом одномандатников “Выбор России” стал крупнейшей фракцией Думы. При желании и грамотном подходе была реальная возможность создать проправительственную коалицию из “Выбора России”, “Яблока”, ПРЕС’а, Российского движения демократических реформ, части независимых кандидатов. В принципе такая коалиция могла бы иметь в парламенте, как минимум, относительное большинство голосов, позволявшее оказывать существенную поддержку реформаторскому правительству. Однако в силу личных интересов Черномырдину это было не нужно. Его явно тяготило присутствие в правительстве любых лиц, каким либо образом ассоциировавшихся с реформами. Часть гайдаровской команды покинула правительство еще на рубеже 1992 – 1993 годов. После декабрьских выборов 1993 года Черномырдин поспешил избавиться от еще находившихся тогда в правительстве Егора Гайдара и Бориса Федорова. *Успех Черномырдина в выдавливании Бориса Федорова из правительства* означал, что политика финансовой стабилизации, столь успешно начатая последним в 1993 году, в 1994 году будет сорвана.

Тогда возникает вопрос: а чем можно объяснить результаты декабрьских выборов 1993 года, особенно после убедительной победы Ельцина и правительства на апрельском референдуме всего лишь за восемь месяцев до этого? На мой взгляд, свою роль сыграла и накапливавшаяся в обществе усталость от продолжавшегося экономического кризиса, сохранения высокой инфляции, падения доходов, снижении личной безопасности, а также *психологический шок от гражданской войны на улицах Москвы в октябре 1993 года* с обстрелом из танков российского Белого Дома — символа Августовской революции 1991 года.

Как же страна пришла к такому гражданскому противостоянию? У этого противостояния были разные корни. Но главным вопросом гражданской войны в октябре 1993 года, вне всякого сомнения, был *вопрос о верховной власти в стране: кому она принадлежит — президенту или парламенту?* Существовали острые противоречия между различными политическими силами, некоторые из которых, в том числе коммунисты и националисты, жаждали реванша и надеялись его осуществить силовым путем. Тем не менее свою роль сыграла и *экономическая катастрофа, произошедшая в 1992 году и продолжавшаяся в 1993 году*. Экономический коллапс, масштабы которого превысили размеры предшествовавшего кризиса 1990 – 1991 годов, многократно усилил и усугубил существовавшее до него и помимо него противостояние политических лагерей. Поэтому вклад в развязывание гражданской войны на улицах Москвы внесла и экономическая политика 1992 года. Начатые в 1991 году реформы преследовали благородные цели. Однако первоначальные результаты оказались другими. Инфляция, падение производства и уровня жизни, рост преступности в 1992 – 1993 годах оказались намного масштабнее того, с чем страна сталкивалась до этого в предыдущие годы.

— *Если можно, напомните цифры...*

Если в 1991 году потребительские цены увеличились на 160%, то в 1992-м они выросли в 26 раз. Если в 1991 году российский ВВП сократился на 3%, то в 1992-м он упал еще на 14,5%. Подобное радикальное ухудшение ситуации наблюдалось по большинству

важнейших экономических и социальных показателей. За два года (в 1991 году по сравнению с 1989 годом) общее число умерших в стране увеличилось на 6,8% — с 1584 до 1691 тыс. чел., а за следующие два года (в 1993 году по сравнению с 1991-м) оно выросло еще на 25,9% — с 1691 до 2129 тыс. чел. Число убийств за два года почти удвоилось — с 10,9 на 100 тысяч человек в 1991 г. до 15,5 в 1992 г. и 19,7 в 1993 г. Поэтому многие из первоначальных сторонников реформирования, столкнувшись с тем, что воспринималось ими как результаты реформ, стали отказывать им в поддержке. Даже для граждан, сохранявших работу, не всегда оказалось возможным получить свою заработную плату, часто выдававшуюся теперь в виде изделий, производимых на предприятии. Другим зарплату задерживали на несколько месяцев.

— *Да, тогдашние задержки зарплаты памятны многим...*

К сожалению, виноваты в них были не только неэффективные и нарушавшие закон работодатели, свою долю ответственности несут за это и власти.

Апрельский референдум 1993 года, на котором большинство граждан по всем четырем заданным им вопросам все таки поддержало Ельцина и правительство, был по сути *последней массовой демонстрацией политической поддержки реформаторскому курсу властей*. После этого стало давить знать накапливавшееся разочарование в происходившем.

Это разочарование было связано как с неудачами в достижении провозглашенных целей экономической политики, так и с разрушением привычных общественных институтов, общим падением уровня безопасности, ростом преступности, разгулом бандитизма. Все это, усугубленное октябрьским вооруженным противостоянием в Москве, привело к тому, что на первых же парламентских выборах, прошедших в декабре 1993 года, люди выразили свое неудовлетворение происходившим. Они не поддержали ни коммунистов, которым не могли простить предшествовавшие семь десятилетий и которым по-прежнему не было доверия, ни тех, кто их сменил, кто называл себя демократами и реформаторами, и кому они не могли простить катастрофу последних двух лет. Люди проголосовали в пользу практически неизвестной им третьей силы. Почти четверть голосов, отданных за ЛДПР, была, несомненно, проявлением протестного голосования.

— *Можно ли было проводить реформы по-другому, чтобы избежать такого рода результатов?*

7. Российские реформы на фоне зарубежных

Вопрос о том, можно ли было проводить реформы по-другому, — по-прежнему один из наиболее интенсивно дебатруемых в нашем обществе. Известна точка зрения и Егора Тимуровича и многих из его сторонников, кто не только тогда, в начале 90-х, не только в

течение последующих лет, но и сегодня, уже после смерти Гайдара, продолжает настаивать на том, что другого пути реформирования не было, что то, что делалось, было единственно возможным, а любые иные попытки привели бы к худшим результатам.

Однако беспристрастное сравнение способов и итогов проведения реформ в других переходных странах показывает, что и реформы могли быть другими, и их результаты могли бы быть более благоприятными.

Гайдар неоднократно говорил (а сейчас вслед за ним это повторяют многие), что после распада СССР Россия оказалась в тяжелейших условиях. Что тогда, в конце 1991 года — начале 1992 года, в стране не было ничего, что могло бы служить признаками самостоятельного государства, — *“не было ни границ, ни армии, ни таможи, ни контроля за денежной системой — да по существу никаких инструментов и институтов государственности”*¹⁷. Отчасти это верно: многих собственно российских государственных органов действительно не было. Однако были государственные органы, унаследованные Россией от Советского Союза. Преобразования союзных органов в российские с существенным изменением сферы и характера выполняемых функций, конечно, требовали усилий. Тем не менее стартовая база все же была. Так, союзный Госплан был преобразован в российское Министерство экономики, союзное Министерство обороны — в российское Министерство обороны, союзный Таможенный комитет — в российский Таможенный комитет. Конечно, осуществить такие преобразования было не всегда легко. Тем не менее многие протороссийские органы на территории России уже существовали, к тому же значительный потенциал для их развития в виде кадров, помещений, инфраструктуры находился в самой Москве.

В отличие от России положение в других постсоветских государствах было сложнее. Во многих из них не было ни вооруженных сил, ни зачатков таких органов государственного управления, как МИД, Минобороны, таможня, и потому задача их создания там была несопоставимо труднее, чем в России.

Однако по прошествии относительно короткого времени выяснилось, что многие другие постсоветские республики осуществили свои реформы и в целом прошли постсоветскую трансформацию успешнее, чем Россия. Одним из важных критериев успеха можно считать изменение ВВП на душу населения по сравнению с 1991-м — годом распада СССР, когда бывшие советские республики вступили на самостоятельный путь развития. Среди тех, кто в 2009 году по этому показателю опережал Россию, — Эстония, Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Латвия, Литва, Армения. Если успех стран Балтии в какой то степени можно объяснить их отчасти более высоким стартовым уровнем, другой политической традицией, культурным наследием протестантизма и католичества, исторической памятью о других общественных институтах, близостью к Европе, то эти факторы неприменимы по отношению, например, к Армении и Казахстану, для более позднего времени (начиная с 2004 года) — к Грузии. Эти республики, находившиеся и находящиеся в более тяжелых внешних условиях, чем Россия, тем не менее смогли провести у себя более успешные реформы.

Если анализировать не сделанные заявления, а реальные действия, то обнаруживается колоссальная разница не в пользу России по ключевым экономическим показателям переходных стран: величине бюджетного дефицита, размерам государственных расходов, темпам инфляции и, следовательно, по масштабам, глубине, длительности трансформационного экономического спада.

После проведения либерализации цен все переходные страны (за исключением Китая и

Вьетнама) действительно вначале переживали вспышку инфляции, вызванную необходимостью ликвидации в их экономиках так называемого *денежного навеса*. Размеры вызванного этим скачка инфляции отличались от страны к стране, но сам по себе он в странах с макроэкономическими дисбалансами был практически неизбежен, поскольку давал возможность разрядиться накопленному за предшествовавшие годы инфляционному потенциалу. Так как СССР имел единую денежную систему, то размеры первичной инфляционной вспышки в разных республиках должны были быть приблизительно одного порядка.

В странах Балтии первоначальный скачок инфляции составил 1000 – 1100%. Тысяча сто процентов за год — это, несомненно, большая величина. Однако после прорыва инфляционного гнойника, унаследованного от прошлого, и при отсутствии дополнительной денежной эмиссии темпы роста цен быстро шли на спад и в течение года-двух выходили на относительно низкий уровень. Нормализация ситуации с инфляцией свидетельствовала о достижении финансовой стабилизации, вслед за которой через два три года начинался экономический рост.

После восстановления экономического роста появлялись дополнительные финансовые ресурсы, которые можно было использовать для ликвидации наиболее серьезных проблем, накопленных за годы существования командной экономики и трансформационного кризиса. С возобновлением экономического роста постепенно складывались условия для нормализации всей общественной жизни. Опыт проведения успешных экономических реформ показал, что длительность производственного спада, связанная с переходом от одной экономической системы к другой, составляла, как правило, два три года.

Такая последовательность преодоления трансформационного кризиса повторилась во многих странах — как за пределами бывшего Советского Союза, так и в постсоветских республиках. Однако в России получилось по-другому. Масштабы первоначальной вспышки инфляции в нашей стране действительно во многом совпали с тем, как это происходило в Балтийских странах, — за первые семь месяцев рост цен составил примерно 1100%. Однако затем наши пути разошлись.

Когда в Балтии темпы инфляции пошли вниз, в России они продолжали сохраняться достаточно высокими, а затем стали вновь нарастать. Отступление правительства в бюджетной и денежной политике, начатое в апреле 1992 года, к июню превратилось в полномасштабное бегство. Инфляция, немного замедлившая свой бег в середине лета, в сентябре вновь ускорила, и к октябрю вышла на 23 – 25%-ный темп в месяц. Финансовый разгром был учинен еще при Гайдаре — задолго до того, когда инфляцию можно было бы приписать действиям Геращенко, Черномырдина или кого бы то ни было еще. Как показала дальнейшая жизнь, упомянутые лица также внесли свой вклад в кумулятивную российскую инфляцию, но это было уже позднее.

За 1992-й год потребительская инфляция составила 2600%. Очевидно, рост цен не более чем на 1100%, достигнутый к лету 1992 года, может быть объяснен ликвидацией денежного навеса советского происхождения, сформировавшегося за тридцать лет со времени денежной реформы 1961 года. Остальное дополнительное увеличение уровня цен примерно в 2,4 раза во второй половине 1992 года не может быть объяснено ни политикой коммунистических властей, ни даже последствиями фискальной и денежной конкуренции союзного и российского правительств в 1990 – 1991 годах. С середины лета 1992 года российская инфляция стала уже *новой инфляцией*, инфляцией, созданной политикой *нового* российского правительства.

Если поначалу лаг между денежной эмиссией и изменением уровня цен составлял примерно четыре месяца, то к концу 1992 года он возрос до шести месяцев. Это означало, что финансовая политика, проводившаяся правительством Гайдара (просуществовавшим до 15 декабря 1992 года), давала о себе знать, по крайней мере, до июня следующего, 1993-го, года. Иными словами, и инфляция первой половины 1993 года была создана решениями, принятыми еще в 1992 году.

Кумулятивный рост цен в 1992 году и в первой половине 1993 года оказался примерно восьмидесятикратным. За исключением первоначального скачка цен в одиннадцать раз, который следует отнести на последствия ликвидации денежного навеса, унаследованного от предыдущих правительств, остальной рост цен в 7,7 раза имеет источником своего происхождения деятельность гайдаровского правительства.

Здесь следует отметить еще одно важное, причем не очень приятное, следствие такой политики. То, что создается в момент исторического перелома, во время формирования новой экономической, политической, государственной системы, закладывает базу новых традиций, закрепляет институциональную память и ориентиры для поведения наследников в будущем. Если отцы-основатели начинают с высокой инфляции, то от такой привычки избавиться затем непросто. Общественные ожидания от рядовых чиновников скромнее, а требования к ним обычно мягче, чем к реформаторам, ассоциирующимся с проведением политики, базирующейся на иных и, как ожидается, твердых принципах.

Если общество полагает, что радикальным реформатором, проводником жесткой бюджетной и денежной политики является Егор Гайдар, непосредственные действия которого привели к увеличению в течение двенадцати месяцев уровня цен в семь с лишним раз, то тогда и от других чиновников трудно ожидать и требовать более ответственного поведения. В результате “простым” Черномырдину, Геращенко, Лобову, Заверюхе “позволяется” производить инфляции не меньше, чем Гайдару. То, как начинается жизнь новой страны, нового мира, нового общества, задает стандарты решений и для последующих поколений. На поведение миллионов людей в последующем во многом оказывает влияние действия ключевых лиц во времена исторических переломов, затем воспринимаемые в качестве образцов.

— *Вы не могли бы пояснить это на примере?*

Джордж Вашингтон и правовая традиция в США

Во время Войны за независимость США главнокомандующий американскими войсками генерал Джордж Вашингтон столкнулся с серьезной проблемой: Конгресс Соединенных Штатов подолгу не платил армии деньги. Новая страна только создавалась, средств не хватало, собственной налоговой базы еще не было, и финансирование армии было отвратительным. Уставшие от задержек жалования офицеры готовы были начать мятеж. В марте 1783 года они подготовили де-факто заговор, чтобы заставить Конгресс погасить задолженность и гарантировать выплату

пенсий по окончании войны. Некоторые офицеры обратились к Вашингтону, командовавшему вооруженными силами и пользовавшемуся огромной популярностью в войсках, с предложением возглавить мятеж и фактически установить военную диктатуру.

— *И что же Вашингтон?*

Вашингтон не принял такого предложения. Но не только. Он смог убедить офицеров отказаться от их замысла. Его ответ — *Ньюбургская речь* — стала хрестоматийной по вопросам взаимоотношений между военными и гражданскими властями: каким бы неэффективным и неорганизованным ни был Конгресс, он является высшей законодательной властью в стране; мятеж в армии недопустим; обеспечения финансирования армии необходимо добиваться правовыми способами. Когда же война была закончена, Вашингтон по-своему повторил акт римского сенатора Цинцинната — вернул Конгрессу данные ему полномочия верховного главнокомандующего и удалился к частной жизни в своем родовом имении в Маунт-Верноне.

Нельзя, естественно, утверждать, что только такие случаи заложили институциональную основу, предопределившую устойчивость правовой и демократической политической традиции Соединенных Штатов Америки. Но наряду со многими другими событиями свой вклад внесли и практические действия генерала Вашингтона. Для успешного закрепления новых традиций и обычаев важно не только то, какие принципы провозглашены отцами-основателями, какие конституции ими написаны, какие законы ими приняты, но и то, как в реальной жизни сами отцы-основатели соблюдают эти принципы, эти конституции, эти законы.

Подобным же образом проведением политики финансовой дестабилизации в нашей стране в 1992 году была многократно усилена привычка к безответственному дефицитному и проинфляционному поведению российских властей в последующем. Если государственный руководитель, признаваемый обществом в качестве главного реформатора, заявляет о жесткой бюджетной и денежной политике и при этом бюджетный дефицит оказывается раздут до 23% ВВП, денежная масса увеличивается на 30% в месяц, а цены растут в семь с лишним раз за год, то из этого люди делают, как минимум, два вывода. Во первых, политика макроэкономического популизма становится если не *образцовой и нормальной*, то точно *допустимой*. Во вторых, если на словах говорится о финансовой стабилизации, а на практике осуществляется политика финансовой дестабилизации, то это по сути выдача индульгенции на *политику двойных стандартов* и другим чиновникам.

Поэтому сколько бы ни предъявлять претензий (а, надо отметить, обоснованных претензий) Черномырдину, твердившему о проведении “*умеренно-жесткой*” финансовой политики, но продолжавшему безответственно осуществлять бюджетные траты, справедливости ради следует признать, что он в этом деле оказался лишь не очень способным учеником своего предшественника. Причем по степени безответственности даже черномырдинская бюджетная политика 1993 – 1998 годов (за исключением,

возможно, той, что проводилась в последние две недели декабря 1992 года) уступала гайдаровской политике предшествовавших месяцев 1992 года. Более слабой макроэкономической политики, чем в 1992 году, в последующие годы в России не проводилось.

К концу 1999 года, когда финансовая стабилизация в России все же была достигнута, кумулятивный рост цен в нашей стране составил 8718 раз. За то же время цены выросли: в Латвии — в 51 раз, в Эстонии — в 65 раз, в Литве — в 93 раза. Несомненно, что и в странах Балтии *размеры кумулятивной инфляции* оказались колоссальными. Но тем не менее их разница с российскими показателями оказалась качественной — величиной в не менее чем в два порядка. Собственно говоря, это лишь одна из иллюстраций принципиальной разницы в проведенных стабилизационных реформах: инфляция в пять – девять тысяч процентов в Балтийских странах и почти в девятьсот тысяч процентов у нас.

Другое измерение качества проведенных реформ — *длительность трансформационного спада*. В Балтийских странах он занял два три года, в России — семь лет. Семь лет спада — это много. За семь лет непрерывного падения производства произошло существенное сокращение объемов выпуска, намного сократились ресурсы для поддержания инфраструктуры и социальной сферы. За это время значительно изменилась социальная и политическая структура страны. Силы, поддерживавшие движение к либеральной экономике и демократическому обществу, оказались экономически и морально разгромленными.

— *А именно?*

Одной из главных движущих сил страны, поддерживавших движение к свободному обществу, была *интеллигенция* — техническая, естественнонаучная, гуманитарная. Однако в результате проводившейся экономической политики именно этой социальной группе был нанесен колоссальный финансовый и моральный ущерб. Она была ослаблена настолько, что оказалась не в состоянии ни поддержать своих политических союзников, ни сопротивляться своим противникам. В то же время благодаря правительственной политике перераспределения финансовых ресурсов и производственных активов огромные средства были переданы сельскохозяйственному и промышленному лобби, директорскому корпусу, так называемым *красным директорам*. Созданные в предыдущие эпохи заводы и фабрики общей ценностью в сотни миллиардов и триллионы долларов в результате приватизации, проводившейся Чубайсом, были переданы представителям этих социальных групп фактически бесплатно. За время его руководства российской приватизацией все поступления от нее в федеральный бюджет составили менее 2 млрд. дол., а за 18 лет (1992 – 2009 гг.) — немногим более 17 млрд. дол.

При такой государственной политике, последовательно проводившейся в течение ряда лет, включаются механизмы глубоких социальных, идеологических, политических изменений. Огромные финансовые ресурсы оказались под контролем людей, чьи представления о том, в каком направлении развиваться стране, радикально отличаются от взглядов людей, участвовавших в демократическом движении 1980-90-х годов, совершивших Августовскую революцию 1991 года. Получение колоссальных экономических ресурсов и овладение механизмами воздействия на общественное мнение

привело к изменению политического баланса в стране. Конечно, такой процесс занял время. Но за семь лет длительного экономического кризиса, за годы *Великой российской депрессии 1992 – 1998 годов*, в стране сложилась новая социальная и политическая реальность. В то же время идеи либерализма и демократии, с которыми общественность ошибочно ассоциировала проводившуюся в стране политику, оказались в значительной степени дискредитированными.

— Но Вы, наконец, сошли с тропы последовательного фатализма и сказали, что реформы можно было проводить иным образом, нежели это произошло в реальности...

Действительно, я считаю, что реформы можно было проводить по-другому. Их можно было проводить как Лешек Бальцерович в Польше, как Вацлав Клаус в Чехии, как Март Лаар в Эстонии, как Эйнарс Рёпше в Латвии, как Ян Оравец в Словакии, как немного позже Каха Бендукидзе в Грузии. Как Ораз Жандосов и Григорий Марченко и их коллеги в Казахстане, где трудно назвать одну фигуру, о какой можно было бы сказать: “автор реформ”. Как Борис Федоров в России. О чем говорит опыт этих, действительно либеральных, реформаторов?

Оказывается, что для успеха экономических преобразований необязательно быть экономистом (Лаар — по образованию историк, Рёпше — физик, Бендукидзе — биолог). Оказывается, для успеха реформ необязательно иметь огромные валютные резервы. Оказывается, для успеха реформ необязательно иметь эксклюзивные полномочия от парламента. Однако для успеха либеральных реформ критически важным является наличие во власти *порядочных людей* — тех, кто, как заметил Каха Бендукидзе, “понимает, что такое свобода”. Добавлю, что отсутствие у людей, находящихся во власти, порядочности и понимания свободы не компенсируется ни их профессиональными знаниями, ни наличием у них политического прикрытия, ни доступностью финансовых, природных или иных ресурсов. И Казахстан и Грузия находились и по-прежнему находятся в более неблагоприятных географических, инфраструктурных, ресурсных, кадровых условиях, чем Россия. И тем не менее у них с реформами получалось и получается лучше. Поэтому в течение полутора десятков лет я отстаиваю эту точку зрения и повторяю ее вновь: *реформы в России можно было проводить по-другому.*

— Но тогда возникает вопрос: а почему не было сделано по-другому? Почему и Гайдар и его коллеги и раньше считали и сейчас полагают, что иначе сделать было невозможно?

Предлагаемое Гайдаром объяснение — в России были *более тяжелые условия*. Что это значит?

Называют, в частности, *отсутствие* в России *установленных границ, таможи, национальных органов государственного управления*. Но мы уже отмечали, что это неубедительные аргументы: другие постсоветские страны находились в не менее, а в более сложном положении. В отличие от России в других республиках не было

полученного от их предшественников наследства в виде органов союзного управления.

Говорят, что у России фактически *не было валютных запасов*, что их оставалось всего лишь 26 млн долларов. Строго говоря, на 1 января 1992 года на балансе Центробанка находилось даже не 26, а 16 млн дол. Прямо скажем, 16 млн долларов для такой страны, как Россия, — это совсем немного. Но эта цифра показывает лишь валютные резервы Центробанка. Кроме них были еще золото-валютные запасы правительства — в валютном эквиваленте примерно 2,8 миллиарда долларов. Но даже такая сумма — по-прежнему невелика. Хотя все же это не абсолютное отсутствие резервов. Самое же главное — в других постсоветских республиках не было и этого. Другие республики бывшего СССР стали независимыми не только без шестнадцати миллионов долларов и тем более без 2,8 млрд дол., — они оказались политически независимыми без единого доллара и единого цента. Все свои валютные резервы им пришлось создавать с нуля.

Наконец, Россия унаследовала *все активы бывшего СССР...*

— Но ведь она унаследовала и его долги. А они были немаленькими.

Это правда, Россия унаследовала и активы и пассивы СССР, она получила и задолженность Союзу и его внешний долг. Однако по соглашению с кредиторами — и правительствами и банками — Россией была получена *реструктуризация долговых платежей*. Конечно, реструктуризация за счет будущих платежей была болезненной, дорогой, обрекавшей страну на более значительные платежи в будущем. Но в настоящем Россия освобождалась от ежегодных платежей в размере 13 – 16 млрд дол., которые, например, до середины 1991 года с трудом, но тем не менее выплачивал Советский Союз. Это означало, что обслуживание унаследованного долга откладывалось на завтра и послезавтра, а активы были в распоряжении уже сегодня.

России досталась *вся зарубежная собственность СССР*. Комплексы посольств и торговых представительств за рубежом у России уже были, недвижимость за рубежом — была, представительства государственных компаний и банков от Аэрофлота до Евробанка — были. Это другим четырнадцати республикам нужно было создавать с нуля дипломатическую службу, строить всю инфраструктуру — приобретать официальные помещения и жилье, прокладывать каналы связи, искать и обучать людей, изыскивать для этого средства. На все это нужна была валюта, причем сразу. Ни у кого, кроме России, ее не было.

Поэтому предлагаемое объяснение неудач в проведении реформ более сложным институциональным или финансовым положением России — либо из-за отсутствия собственных органов государственной власти, либо из-за отсутствия валютных резервов, либо из-за отсутствия и того и другого — лишь привлекает внимание к тому, что положение России в 1991 – 1992 годах было не менее, а более благоприятным, чем положение других постсоветских республик.

— Но апологеты гайдаровских реформ говорят, что у нас не было никаких экономических ресурсов.

Такой довод не выдерживает критики. На территории России находились и находятся крупнейшие нефте- и газовые месторождения, от них за границу были протянуты нефтепроводы и газопроводы, не прекращавшие свою работу ни на минуту. В нынешнем мире *нефть и газ* — это фактически прямой эквивалент конвертируемой валюты. Страна, экспортирующая более сотни миллионов тонн нефти и нефтепродуктов, сотни миллиардов кубометров газа, даже по ценам начала 1990-х годов гарантированно получала 20 – 30 млрд дол. ежегодно.

Стабильное получение таких доходов несравнимо с ситуацией, в какой оказались постсоветские республики, лишенные энергоресурсов, как, например, Эстония, Латвия, Литва, Грузия, а тем более не имевшие (и не имеющие) морских портов Беларусь, Молдова, Армения, Киргизстан, Таджикистан. Что могли немедленно предложить мировому рынку эти республики? Что сразу же после провозглашения независимости могли предложить даже Балтийские страны? Даже республики, обладавшие крупными запасами энергоресурсов, как, например, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, находились и по-прежнему находятся в более трудном географическом положении, чем Россия. Они относятся к так называемым *land-locked countries* — странам, находящимся в глубине континента и не имеющим прямого выхода к мировому океану. Собственные энергоресурсы им приходится транспортировать на внешний рынок через территорию третьих стран, прежде всего через территорию России. И если российские власти ограничивают их транзит, пропускают его на мировой рынок на дискриминационных условиях, если они полностью его блокируют, то что такие экспортеры могут сделать? Так или иначе им все равно надо договариваться с российскими властями, нести дополнительные издержки за их транспортировку, уступая в других областях.

Несомненно, что *ни одна из пятнадцати республик*, ставших независимыми после распада СССР, *не находилась в столь благоприятном положении, как Россия.*

— Сегодня указывают на неустойчивость политического положения гайдаровского правительства. Говорят о том, что поддержка со стороны Ельцина была недостаточной...

Могу я задать встречный вопрос: а политическое положение реформаторов в других странах было легче? Их политическая поддержка была прочнее? На самом деле им было труднее. Ни у кого из них не было того, что в октябре 1991 года и Борису Ельцину и всей российской исполнительной власти, включая гайдаровскую команду, было дано Съездом народных депутатов. Российские власти тогда получили карт-бланш на принятие любых экономических решений в рамках проводимых реформ. Высший законодательный орган страны дал правительству *чрезвычайные полномочия* на целый год, обещая не вмешиваться в его оперативную деятельность.

Ни в одной другой переходной стране ни один верховный законодательный орган своим реформаторам такой власти не давал. Таких полномочий не было ни у Лешека Бальцеровича, ни у Вацлава Клауса, ни у Марта Лаара. Несмотря на их отсутствие реформаторы в других странах делали свое дело, подвергались жесткой критике, время от

времени были вынуждены уходить из власти и снова в нее возвращались. И при этом каждый из них вносил свой вклад в проведение реформ.

Ни в одной из них не было того, что произошло в России, — *монополизации* права на реформы, *монополизации* права называться реформатором, предъявления претензий на *эксклюзивность* своего положения. В других странах параллельно шли и реформаторские и политические процессы. Тогда, когда возникали общественные возражения по поводу сути или методов проводившихся реформ, то и отдельные реформаторы и правительства в целом уходили в отставку, а им на смену приходили другие. По сравнению с такой текучей и постоянно менявшейся ситуацией положение российского правительства и непосредственно Егора Гайдара в течение первого года реформ — до ноября 1992 года — было намного более устойчивым.

8. Как это могло бы быть

Кроме того, российской истории угодно было поставить эксперимент по проверке утверждения о значении фактора политического прикрытия реформатора для успеха его деятельности. В самом конце 1992 года в российское правительство пришел Борис Федоров. Полномочий у него по сравнению с Гайдаром было несравнимо меньше. Если Гайдар с июня 1992 года исполнял обязанности премьер министра, а де-факто был таковым с апреля 1992 года, то Федоров ни премьером, ни и. о. премьера никогда не был. Он не был даже первым вице-премьером. Поначалу Федоров был лишь “простым” вице-премьером, причем “без портфеля”, и лишь в конце марта 1993 года дополнительно получил пост министра финансов.

Опирается ему также было практически не на кого. Часть гайдаровской команды уже покинула власть, а, например, оставшийся в правительстве Чубайс осторожно устранился от совместных с Федоровым действий. Федоров никогда не получал от Ельцина и доли той поддержки, какую имел Гайдар. В силу принципиальной политики, проводившейся Федоровым, он почти все время находился в конфликтах — и с представителем сельскохозяйственного лобби в правительстве Заверюхой, и с представителем промышленного лобби Хижой, и с первым вице-премьером Лобовым, и с руководителем Центрального банка Геращенко, и с Верховным Советом, и с руководителем правительства Черномырдиным, и с окружением президента Ельцина.

И тем не менее, несмотря на существенно меньший объем административных ресурсов, несмотря на отсутствие политического прикрытия со стороны Ельцина, несмотря на то, что Федоров находился в непрекращающейся борьбе на многих фронтах, несмотря на то, что по многим вопросам он оказывался по сути один, несмотря на то, что срок его пребывания в правительстве оказался еще короче, чем у Гайдара, — несмотря на все это, он добился результатов, несравнимых с гайдаровскими. Если в 1992 году Гайдар увеличил удельный вес государственных расходов в ВВП примерно на четырнадцать процентных пунктов, то в 1993 году Федоров их сократил почти на двадцать процентных пунктов. Если Гайдар увеличил дефицит бюджета примерно на восемь процентных пунктов ВВП, то Федоров сократил его примерно на двенадцать процентных пунктов. Если Гайдар увеличил налоговое бремя на российскую экономику, то Федоров его снизил. Проведя самую радикальную бюджетную реформу за последние шесть десятилетий, Федоров обеспечил основной костяк финансовой и макроэкономической стабилизации,

окончательно наступившей тогда, когда его уже не было во власти.

Федорова трудно сравнивать с Гайдаром, их действия шли в противоположных направлениях. Действия Гайдара были направлены на финансовую дестабилизацию, Федорова — на финансовую стабилизацию. Повторюсь, то, что удалось сделать Федорову, было сделано при меньшем объеме политических и административных ресурсов в более жестком политическом окружении.

— *И почему же этого не смог сделать Гайдар, работавший в более благоприятных условиях?*

Вот тут закономерно возникает вопрос: почему же в более благоприятных условиях Гайдар не сделал того, что в более трудных условиях сделал Борис Федоров? Того, что в более сложных условиях сделали реформаторы в других переходных странах? В том числе в тех бывших советских республиках, где не было таких возможностей, какие были в России, — ни экономических ресурсов, ни необходимых институтов, ни благоприятного культурного наследия?

Почему Гайдару не удалось то, что удалось другим?

— *У Вас есть версия?*

9. Решающий фактор

Главный ответ на этот вопрос — *люди*, их личные качества. *Человеческий фактор* имеет, по меньшей мере, несколько срезов — страновой, политический, аппаратный, командный, персональный.

Что касается *странового* среза, то определенную роль сыграл и продолжает играть более низкий, чем в некоторых других переходных странах, *уровень взаимного доверия и самоорганизации* в российском обществе, высокая степень его *разобщенности*. Запрет деятельности КПСС после провала Августовского путча привел к обрушению стержня системы государственного управления в России в масштабах, очевидно, не наблюдавшихся в других постсоветских республиках. Отказ от немедленного формирования в августе 1991 г. полноценного российского правительства усугубил вакуум власти и добавил элементы хаоса в обществе, привыкшем к вертикали управления и отучившемся за десятилетия коммунистического режима от базовых навыков гражданской самоорганизации.

В *политической* сфере главной неудачей стало отсутствие перехода реальной власти к политической оппозиции. Все успешные реформы как первой волны (в Польше, Чехии, Эстонии, Латвии), так и последующих волн (в Монголии, Армении, Албании, Болгарии, Румынии, Грузии) были проведены *представителями политической оппозиции, пришедшей к власти*, в том числе диссидентами, правозащитниками, демократическими

активистами. В исполнительной власти России таких людей практически не было даже в самом начале преобразований, а экономические реформы проводились не политической оппозицией прежнему режиму, а частью его реформистской бюрократии.

Для *аппаратного* среза тогдашней России был характерен низкий уровень экономического понимания происходивших процессов (за пределами довольно узкого круга профессиональных экономистов). Немало времени и сил было потрачено (и финансовых ресурсов за это время растранижено) на базовое экономическое образование ключевых руководителей исполнительной власти — от Геращенко и Хижи до Черномырдина, Заверюхи, Лобова, причем в ряде случаев без какого-либо заметного эффекта. Трагикомическими стали продолжавшиеся в течение двух лет публичные разъяснения бывшему в 1992 — 1994 годах руководителем Центрального банка Виктору Геращенко неразрывной связи между денежной эмиссией и инфляцией.

Что касается *команды реформаторов*, то на момент их прихода во власть уровень их профессиональной подготовки был относительно неплохим на фоне преобладавших представлений в тогдашнем российском обществе, но довольно *низким на фоне международных стандартов*, в том числе на фоне уровня, уже достигнутого в центрально-европейских государствах и странах Балтии. Еще более важной причиной неудач стали ошибки в изначальной программе реформирования. Документы, подготовленные в Архангельском, предусматривали лишь постепенную стабилизацию и либерализацию, частичное дерегулирование экспорта и импорта в течение года, длительное отсутствие конвертируемости рубля и унифицированного валютного курса, задержку проведения денежной реформы на восемь — девять месяцев, откладывание во времени введения национальной валюты и ликвидации рублевой зоны. Практическое проведение реформ оказалось еще хуже даже по сравнению с тем, что было запланировано.

Наконец, на *персональном* уровне причины неудач во многом объясняются личностью самого Егора Тимуровича Гайдара, его мировоззрением, уровнем знаний, позициями по ключевым вопросам, характером, привычками. Несмотря на всю реформаторскую риторику готовившиеся и осуществлявшиеся им экономические реформы *в целом были половинчатыми, компромиссными, непоследовательными*. За 13 месяцев существования его правительства так и не была проведена денежная реформа, не был введен российский рубль, не была распущена рублевая зона. В 1992-93 годах уровень информированности Гайдара о базовых макроэкономических закономерностях был невысоким, что выявилось на фоне действий Бориса Федорова, приступившего к решению аналогичных задач в 1993 г. Контраст между уровнями подготовки двух экономистов оказался особенно очевидным в сентябре – декабре 1993 г., когда Гайдар и Федоров одновременно работали в российском правительстве.

Ряд осуществленных Гайдаром действий носил открыто *антилиберальный и интервенционистский характер*. Разрушительные последствия для производственного сектора имело введение им налога на добавленную стоимость с заведомо высокой ставкой в 28%. В августе 1992 года по инициативе и поручению Гайдара был проведен взаимозачет долгов предприятий, сорвавший и без того слабые усилия по финансовой стабилизации. В декабре 1992 года по его поручению было подготовлено скандальное постановление об установлении административного контроля над ценами путем регулирования рентабельности товаров. В июне 1992 года вопреки предложению Ельцина назначить на пост руководителя Центробанка Бориса Федорова Гайдар настоял на кандидатуре Виктора Геращенко, многолетнего руководителя ряда советских загранбанков, созданных коммунистическими властями для финансирования

спецопераций за рубежом.

После первых пяти месяцев бурной работы гайдаровского правительства темп проведения реформ резко замедлился, а с июня 1992 года они фактически остановились. Последняя заметная реформаторская мера — унификация валютного курса — была осуществлена 1 июля Петром Авенем без заметного участия Гайдара. Вместо этого с каждым месяцем нарастали размеры бюджетного дефицита, требования правительства к Центробанку о кредитовании его расходов, и, как результат, — темпы роста денежной эмиссии и идущей вслед за ней инфляции.

Егор Гайдар и Борис Федоров

О том, как Гайдар принимал важные решения в бытность своей работы в правительстве, он рассказал сам через несколько месяцев после своей первой отставки. Дело происходило на одном из последних полуофициальных семинаров московско-ленинградской группы экономистов, проходившем в марте 1993 года в санатории “Белые ночи” под Санкт-Петербургом. Естественно, разговор зашел об уроках “хождения во власть”, о том, что не было сделано, о допущенных ошибках и провалах. На заданный ему вопрос:

“Почему же после стольких обсуждений, при понимании исключительной важности успеха в достижении максимально быстрой финансовой стабилизации он не стал проводить жесткую бюджетную и денежную политику, а вместо нее им была развязана инфляционная волна?” —

Гайдар ответил так:

“Если к вам приходит один лоббист и просит денег, вы можете ему отказать. Если к вам приходят второй, третий, пятый лоббист, вы им тоже можете отказать. Но когда к вам приходят пятнадцатый двадцатый, вы отказать не можете и даете им денег”.

Сказать, что я был потрясен услышанным, — это не сказать ничего. Легкость, с какой Гайдар своими действиями и рассказом о своих действиях опровергал то, что неоднократно публично провозглашал и во что, казалось, верил сам, уверенная беззаботность, с какой он об этом повествовал, ошеломляли. Безостановочный поток правительственных постановлений, распоряжений, поручений, раздававших государственные средства, а также сухие данные статистики, свидетельствовавшие о развертывавшейся бюджетной катастрофе и надвигавшемся денежном цунами, и раньше убедительно говорили сами за себя. Однако до того вечера мне трудно было поверить, что их главным автором является не кто иной, как сам Гайдар, и что этот суицидальный процесс — как для всего реформаторского проекта, так и лично для него — происходил столь банально.

К этому времени у меня уже было некоторое представление о том, как работает Борис

Федоров. Когда же вскоре он стал министром финансов, то смог полнее продемонстрировать свои незаурядные качества — умение охватить всю макроэкономическую картину в целом, идентифицировать в ней самые острые проблемы, предложить неожиданные решения. Из него просто фонтанировали идеи. Он излучал неумемную энергию, демонстрировал фантастическую работоспособность и совершенно железную неспособность отступить и сдаваться. Федоров бился за каждую бюджетную копейку, сокращая неэффективные расходы, срезая субсидии, отменяя льготы. На него давили промышленники, аграрии, угольщики, сахарные лоббисты, импортеры. Давили из правительства, из Верховного Совета, из Администрации Президента. Его просили, умоляли, пытались купить, ему угрожали. Для обеспечения финансовой стабилизации он пользовался любой политической возможностью — результатами апрельского референдума, июльской денежной реформой, октябрьской победой над сторонниками Верховного Совета. Федоров сражался, как былинный богатырь, последовательно отрубая головы инфляционному дракону. Он отстаивал свою позицию, убеждал, приводил аргументы, взывал к разуму, к совести, уговаривал, ругался, кричал, наступал, совершал маневры, формировал союзы, изворачивался, скрывался, уходил в неосознанку, притворялся больным, болел по-настоящему.

И продолжал делать свое дело.

И никогда не сдавался.

Его удивительная твердость и невероятная изобретательность в достижении своей цели постепенно стали приносить результаты. Инфляция, грозившая сорваться в гиперинфляцию в конце 1992-го — начале 1993 года, постепенно стала стабилизироваться, а к концу 1993-го медленно пошла на спад.

Наряду с финансовой стабилизацией и в рамках нее Борис Федоров провел ликвидацию субсидий на импорт и сахар, осуществил радикальное сокращение субсидий угольной отрасли и кредитов странам СНГ, добился повышения до реально положительного уровня процентных ставок Центробанком и Сбербанком, включил полтора десятка внебюджетных фондов в госбюджет, прекратил предоставление субсидированных кредитов, установил жесткие лимиты на предоставление правительственных кредитов, отменил обязательную продажу экспортерами валютной выручки, провел либерализацию цен на зерно и хлеб, начал неинфляционное финансирование бюджетного дефицита — всего и не упомнишь. При этом он, работавший по двенадцать – четырнадцать часов в сутки, любил начинать деловые совещания с ехидным прищуром и веселой присказкой: *“Ну, так сколько можно отдыхать? Когда, наконец, реформы будем делать?”*

В сентябре 1993 года Ельцин вернул Гайдара в правительство на пост первого вице-премьера — на позицию, более высокую, чем федоровский пост “простого” вице-премьера. Надо сказать, что непрерывная борьба за финансовую стабилизацию сильно измотала Бориса Федорова, и он с нескрываемым облегчением воспринял новость о возвращении Гайдара. *“Наконец, будет хоть какое то прикрытие. Теперь вместе с Гайдаром и Чубайсом мы все сможем сделать”*, — услышал я от него. Но довольно скоро его отношение изменилось на прямо противоположное. В ноябре 1993 года он чуть ли не зубами скрежетал от разочарования и боли: *“Без Гайдара было тяжело, а с Гайдаром еще хуже. От него и Чубайса только вред”*, — говорил он.

Вскоре жизнь предоставила мне пояснения, что именно имел в виду Федоров. Через

несколько дней я оказался в кабинете Гайдара на Старой площади. Во время разговора дверь открылась, и в кабинет с папкой документов вошел один из ближайших помощников Гайдара. Тот оторвался от нашего разговора, подошел к своему столу, просмотрел принесенные бумаги и подписал их. Из короткого обмена репликами с помощником стало ясно, что речь в них идет о выделении просителям бюджетных средств. Отработанность и будничность действий обоих говорили о многократной повторяемости, совершенной рутинности происходившего перед моими глазами. Помощник забрал документы и ушел. И лишь тогда, повернувшись ко мне и, похоже, вспомнив, что у меня, ставшего невольным свидетелем произошедшего, неплохие отношения с Федоровым, Гайдар сказал: *“Да, Андрей, не говори, пожалуйста, об этом Борису”*.

Почти пять лет спустя на подобную же просьбу Гайдара — не говорить журналистам о предстоящей девальвации — я ответил отказом. Но тогда, в ноябре 1993 года, я сидел совершенно ошеломленный, своими глазами увидев, как именно это делается, получивший зримое подтверждение тому, что услышал за восемь месяцев до этого в “Белых ночах”. Мое потрясение было сильнее брезгливости, когда Черномырдин забирал у меня просительное письмо от начальника Ульяновского авиаотряда. Оно было сильнее отвращения, когда на моих глазах передавали взятку сотруднику квасовского аппарата правительства. Оно было сильнее чувства отвращения, когда дорогие охотничьи ружья привозили в подарок Черномырдину¹⁸.

Причина моего потрясения была одна — Гайдар. От него я такого не ожидал. Я просто не мог себе этого представить. Тогда я лишь еле слышно ответил ему: *“Да, конечно”*.

Просьбу Гайдара я выполнил. Я ничего не сказал Борису Федорову о том, как за его спиной человек, которому он доверял, на помощь и защиту которого в общем деле он так надеялся, должностной уровень и политический вес которого был выше, чем у него, столь легко и столь беззаботно уничтожает результаты его, Федорова, труда, добытые им в столь жестокой борьбе, дававшиеся ему такой болью и стоившие ему такой крови.

Борису Федорову не надо было об этом говорить. О главном он знал сам.

Обратившись к этому, личностному, фактору реформ, мы вынуждены прийти к неутешительному для нас выводу: провести экономические реформы так, как это сделали в своих странах Бальцеревич, Клаус, Лаар, Рёпше, Жандосов, Марченко, Оравец, Бендукидзе, Егор Гайдар не мог. Но вовсе не из-за внешних, якобы ограничивавших его действия, условий. Он не мог это сделать из-за внутренних причин. Главным ограничителем реформ был он сам, его собственные представления, его собственные правила поведения.

И это означает, что сам факт назначения Гайдара вице-премьером российского правительства, ответственным за экономические реформы, во многом predetermined последующее развитие событий в стране, включая финансовую дестабилизацию, внесшую свою лепту в усугубление национального политического кризиса, что постепенно, шаг за шагом, год за годом, решение за решением привело нас к нынешнему политическому режиму.

Конечно, было бы неверным и несправедливым винить в том, что произошло, только

одного Гайдара. Свой вклад внес и Борис Ельцин, начавший российско чеченскую войну. Не обошлось и без Черномырдина, на несколько лет успешно воссоздавшего атмосферу бюрократического и коррупционного застоя. Сыграл свою роль и Чубайс, фактически бесплатно раздавший колоссальные экономические активы советской номенклатуре. Было несомненно и жесткое противодействие со стороны противников любых, пусть и весьма половинчатых, реформ. Наконец, главную вину за разрушение полудемократической системы, существовавшей в стране большую часть 1990-х годов, за создание авторитарного режима и агрессивного беззакония несет группа сотрудников спецслужб, прорвавшаяся к политической власти в России на рубеже нового столетия.

Но все же мне кажется, что если бы экономические реформы, столь ожидавшиеся российским обществом, столь поддерживаемые им в конце 1980-х — начале 1990-х годов, были проведены хотя бы так, как это было сделано тогда же в Польше, Чехии, Эстонии, Латвии, Литве, если финансовая стабилизация была бы проведена сразу, если инфляция была бы подавлена в течение года, то устойчивый экономический рост возобновился бы не осенью 1998 года (как это фактически произошло), а, возможно, осенью 1993 года или уж точно осенью 1994-го (когда он начался на самом деле, но продолжался всего лишь несколько месяцев — до тех пор, пока не был раздавлен чубайсовской политикой “валютного коридора”). Тогда, скорее всего, не произошло бы дефолта и девальвации в августе 1998 года, не было бы экономического и политического кризиса, уничтоживших практически все сколько нибудь заметные достижения полудемократического режима, тогда Борису Ельцину не угрожал бы импичмент, у него не было бы острейшей необходимости радикально менять сферу поиска своего преемника, и тогда, возможно, он не принял бы фатальных для страны решений, распахнувших сотрудникам спецслужб ворота к политической власти в стране. А, может быть, начавшееся в 1993 – 1994 годах восстановление производства настолько способствовало бы нормализации экономической, общественной, политической жизни в стране, что спора не возникло бы не только на преемника из силовиков, но и вообще на любого *преемника*? И тогда на президентских выборах 1996 года обошлось бы вообще без каких-либо манипуляций?

Конечно, нет никаких гарантий, что в случае, если реформы, начатые в 1991 году, были бы проведены в России по центрально-европейскому или балтийскому вариантам, то в отечественной политической жизни не появились бы другие развилки, угрожавшие другими кризисами, а участники политического процесса не принимали бы иные, в том числе и ошибочные, решения.

Но даже если бы не состоялся европейско-балтийский вариант реформирования (какой еще в самом конце 1991-го — начале 1992-го казался для России вполне естественным), даже если реформы пошли бы по менее эффективному, более медленному и более затратному болгарско румынскому варианту, то и тогда российские полудемократические власти 1990-х годов, пусть и не полностью свободные от ударов различных кризисов, все-таки смогли бы избежать катаклизмов, подобных августу 1998 года, и не предъявили бы столь безальтернативный спрос на силовиков.

Конечно, всякое (или почти всякое) могло произойти в нашей стране. Но все же мне кажется, что многие последующие экономические и политические события оказались в значительной степени предопределены решением Бориса Ельцина от 4 ноября 1991 года.

— Но ведь предложение Ельцина войти в правительство было сделано двоим. И Явлинскому раньше, чем Гайдару. А Явлинский вполне мог согласиться, и реформы в

этом случае, вероятно, были бы другими...

10. Последняя развилка

Если бы Явлинский согласился, то, по меньшей мере, стиль реформ точно был бы другим. Были ли бы другими результаты реформ, — неизвестно. Но, похоже, скорее да, чем нет. Тем не менее мне кажется маловероятным, что ответ Григория Явлинского мог бы быть принципиально иным, чем тот, что он дал тогда. Дело в том, что поведение состоявшегося человека в немалой степени определяется не только и не столько внешними обстоятельствами, не только тем, насколько привлекательными выглядят сделанные ему предложения, насколько интересны перспективы, открывающиеся при этом, но и его собственными представлениями о том, что должно, что можно и как нужно.

Исходя из того, что известно о Григории Явлинском, выражу сомнение в том, что он согласился бы на предлагавшуюся ему тогда должность при тех ограничениях, какие ему устанавливала российская власть. Мне также трудно представить себе, как он мог бы согласиться на нее, не оговорив со своими политическими партнерами важных для себя условий. Немного упрощая, можно сказать, что к предлагавшейся ему работе Явлинский относился как к *рабочему контракту* между де-факто равными сторонами, в то время как Гайдар — как к *благотворительному дару* свыше. И прошедшие с тех пор годы убеждают меня в том, что Явлинский, — можно соглашаться с его подходом или нет, — в основном по-прежнему придерживается тех же принципов. То, что в течение этих лет он следовал им даже тогда, когда это обходилось ему и политически и лично довольно дорого, заставляет меня думать, что в ноябре 1991 года он вряд ли бы принял иное решение.

— А если поставить вопрос иначе: если представить себе, что кто то другой стал бы осуществлять эту программу Явлинского. У самой программы — “Пятьсот дней” или “Четыреста дней” — реальный шанс был?

Это интересная тема. Хотя она, как и многое другое в нашем разговоре, имеет весьма выраженное сослагательное наклонение. Все же история показывает, что осуществление программы является делом сугубо индивидуальным. Любой другой человек не следует слепо тексту, написанному до него на скрижалях, он проводит свою собственную политику.

Тем не менее частично программы “Четыреста дней” и “Пятьсот дней” все же были в России осуществлены, причем руками одного из их соавторов. Разделы этих программ, посвященные финансовой стабилизации, денежно кредитной политике, внешнему долгу, созданию финансовых рынков, были написаны Борисом Федоровым. Оказавшись в 1993 году во второй раз во власти, он во многом смог реализовать именно то, о чем писал за несколько лет до этого. Так что, не исключено, что и действия Явлинского, дай ему история его шанс, могли соответствовать его первоначальным планам.

— *Возможно ли провести содержательное сравнение программ реформ Явлинского и Гайдара?*

Попробуем. Поскольку у Явлинского не было возможностей проводить реформы, то сравнивать планировавшееся Явлинским и сделанное Гайдаром не вполне корректно. Единственное, что можно сделать, это сравнить программы Явлинского и представления Гайдара, высказанные в его предреформенных публикациях. В обоих случаях — написанное ими до того, как судьба дала шанс одному из них реализовать свои представления.

Следует отметить, что такие сравнения приводят наблюдателей к разным заключениям. Например, Евгению Ясину обе программы видятся похожими, чуть ли не одинаковыми: *“Если вы возьмете программу “500 дней” и сравните ее с тем, что потом сделал Гайдар, то никаких существенных отличий не найдете... все таки я лично убежден, что это примерно одно и то же... я не видел большой разницы между программой “500 дней”, тем, что предлагалось в Шопроне и что потом делал Гайдар”*¹⁹. Действительно, провозглашенный целевой ориентир у обоих авторов один и тот же — создание рыночной экономики. По ряду крупных вопросов и лидеры команд и их члены также обращали внимание на одни и те же блоки проблем, предлагая по ним похожие решения.

Однако внимательный анализ показывает, что между программами Явлинского и взглядами на реформы Гайдара были и серьезные различия. В частности, по ряду немаловажных пунктов позиции двух авторов различались радикально.

— *А именно?*

Во всех текстах Явлинского центральное место занимают такие понятия, как *свобода, собственность, юридическое равенство, свободное предпринимательство*. Как в программе “Четыреста дней”, так и во многих устных выступлениях и статьях начальными и по сути дела ключевыми тезисами являлись тезисы о создании *“субъектов свободных рыночных отношений”, “системы свободных хозяйствующих субъектов”, “системы свободного предпринимательства”*, о необходимости работы с мелкими и средними хозяевами²⁰. Программа “Пятьсот дней” начинается с провозглашения базовых прав граждан — *на собственность, на свободу экономической деятельности, на свободу потребительского выбора*²¹. Обе эти программы в качестве самых первых шагов реформ требуют предоставления правовых гарантий предпринимателям, провозглашают *равенство прав физических и юридических лиц (включая иностранных) на любую хозяйственную деятельность*. В обоих документах есть разделы, посвященные и другим элементам экономической реформы, включая, естественно, и финансовую стабилизацию и структурные реформы и преобразования в отдельных секторах. Но главное в них — это создание свободной частной экономики и слоя частных собственников.

В работах Гайдара предреформенного периода о необходимости создания частного собственника, предоставления правовых гарантий предпринимателям, равенства прав частников и государственных предприятий *нет ни слова*. Его статьи советского периода в

журнале “Коммунист” и газете “Правда” посвящены очень важным вопросам — макроэкономической сбалансированности, бюджетной устойчивости, эффективности решений органов государственного управления, критике лоббистских решений, принимаемых министерствами. Он пишет о многих серьезных проблемах — о распределении огромных ресурсов по ошибочным направлениям, о чудовищных решениях по переброске рек, о бездарных мерах по созданию химических комплексов, о фактически коррупционных действиях по созданию нефтеперерабатывающих комбинатов. В работах 1991 года разговор идет о необходимости финансовой стабилизации, в том числе о бюджете, налоговой системе, введении налога на добавленную стоимость. Однако мне не встречался гайдаровский текст предреформенного периода, в котором не то чтобы была провозглашена — хотя бы была упомянута — необходимость создания в стране частного собственника, системы свободного предпринимательства, обеспечения гарантий частной собственности и правового равенства экономических субъектов.

Уже после завершения работы в правительстве, после возвращения в свой институт Егор Тимурович вместе с коллегами пишет книгу “Экономика переходного периода”. Этот капитальный труд был, очевидно, задуман и осуществлен в качестве попытки подведения итогов проведенных реформ, попытки развернутой научной защиты того, что им и его командой было сделано, когда он был во власти. Однако в этой работе отсутствует какой-либо раздел, какая-либо глава или даже какой-либо параграф, посвященные созданию свободной экономики, системы свободного предпринимательства, гарантиям частной собственности.

Справедливости ради, следует сказать, что в ней есть разговор о приватизации.

— А простите наше невежество, приватизация и создание частного собственника — это не одно и то же?

Это не совсем одно и то же. Приватизация — более узкое понятие, чем создание частного сектора. Приватизация — это перераспределение уже существующего. Создание частного сектора — это не только смена собственника, это создание нового собственника, это создание класса новых собственников.

Приватизация также может быть разной. Она может быть осуществлена в том числе и в пользу директора предприятия, в пользу вице-преьера, в пользу руководителя правительства, в пользу начальника спецслужбы или президента страны. Участвуя в такой приватизации, эти люди формально становятся “как бы” частными собственниками. Но характер экономического поведения таких граждан сильно отличается от частных собственников, не находящихся во власти, а начавших, например, свой предпринимательский путь с нуля. Говоря о создании частного собственника и формировании структуры частного сектора, Явлинский имел в виду не только передачу государственной собственности в руки граждан. Он имел в виду создание класса частных собственников, не только присваивающих ранее созданное, но и создающих новые проекты, новую стоимость, новую собственность.

Иными словами, в подходах Явлинского и Гайдара обнаруживаются существенные различия: по отношению к предоставлению гражданам экономической свободы, гарантий

прав собственности, природе возникновения значительного объема частной собственности, в последовательности эволюции класса частных собственников.

По поводу того, какие методы создания частного сектора являются более эффективными, шла и отчасти продолжает идти интенсивная дискуссия. Весьма удачными считаются польские реформы. Полякам, конечно, сильно помогло то, что частный сектор, пусть и в ограниченных размерах, сохранялся в Польше и при коммунистах (в сельском хозяйстве, услугах, мелком производстве). Кроме того, многие поляки еще при социализме ездили на заработки в Европу и, возвращаясь, создавали на заработанные деньги компании в Польше. Но даже и после того, как начались полномасштабные реформы, после того, как были осуществлены либерализация и финансовая стабилизация, в течение еще ряда лет поляки не торопились приступить к масштабной приватизации крупной государственной собственности.

В бурно развивающемся Китае мы видим нечто похожее: приватизации крупной государственной собственности до сих пор пока не было, зато огромных масштабов достиг выросший с нуля частный сектор. Так что и зарубежный опыт демонстрирует преимущество позиции эволюционного развития частного предпринимательства.

В прошлые годы у экономистов немало сил ушло на дискуссии о том, какие по скорости реформы являются более эффективными — быстрые (шоковые) или постепенные (градуалистские). Опыт показал, что дискуссии такого рода являются малосодержательными, потому что разные реформы требуют разного темпа осуществления и разного временного горизонта. Например, дерегулирование и ценовую либерализацию следует проводить предельно быстро. А вот институциональные реформы, в том числе реформы, нацеленные на создание частного сектора и слоя частных собственников, нуждаются в серьезной подготовке и требуют значительного времени. Для либерализации экономической деятельности и цен не нужно большого времени — ни года, ни месяца, ни недели, это можно сделать подписанием одного Указа — о том, что любая предпринимательская деятельность разрешена, и что все цены свободны.

— *То есть то, что и было сделано практически?*

11. Переход к рынку или создание свободного общества?

Увы, именно этого сделано и не было. Как раз дерегулирование оказалось очень медленным. Либерализация российской экономики растянулась на годы и так и осталась до конца незавершенной, цены в ряде секторов российской экономики остаются по-прежнему административно регулируемые.

Однако другие реформы, например, создание класса частных предпринимателей, не могут быть проведены за одну ночь. Приватизация — как раз из их числа. И та ускоренная, я бы сказал, галопирующая, приватизация, осуществленная в России за полтора года, по своей скорости и, следовательно, неэффективности не имела себе равных в мире.

— То есть мы и со скоростью проведения реформ не угадали?

Я бы так сказал: те реформы, какие надо было делать быстро, в России делались медленно. А те реформы, какие требовали времени, постепенного вызревания, были проведены беспрецедентно быстро. Судя по всему, такой подход был не совсем случайным.

В связи с этим следует, очевидно, напомнить удивительную историю, привлекающую внимание вскоре после смерти Гайдара в связи с почти случайно развернувшейся дискуссией о происхождении Указа о свободе торговли от 29 января 1992 года.

2 января 1992 года в России была начата либерализация цен. Она была не полной, а частичной: значительная часть цен осталась под административным контролем. Цены, отпущенные на свободу, за первый месяц выросли в два с половиной — три раза. Цены же, оставшиеся под административным контролем, были увеличены более значительно, например, цены на нефть и нефтепродукты были повышены в шесть — восемь раз. Иными словами, именно повышение цен государством в регулируемом секторе задавало верхнюю планку общего ценового роста.

Главное же заключалось в том, что несмотря на частично либерализованные цены российская экономика продолжала оставаться экономикой преимущественно государственных предприятий. Конечно, за несколько предыдущих лет было создано семьдесят восемь тысяч кооперативов, сорок девять тысяч фермерских хозяйств, несколько тысяч совместных предприятий. На 1 января 1992 года было приватизировано сто семь магазинов, пятьдесят восемь столовых и ресторанов, тридцать шесть предприятий службы быта. Но в масштабах страны это была, конечно, капля в море. Де-факто монополия на хозяйственную деятельность оставалась у государства и государственных предприятий. Свободы альтернативным поставщикам товаров и услуг предоставлено не было.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы на свой страх и риск за дело не взялся Михаил Киселев, экономист из Петербурга, бывший тогда народным депутатом России. Хотя он и был членом московско-ленинградской группы экономистов, для подготовки программы реформ на 15-ю дачу в Архангельское он приглашен не был. Осенью 1991 года он познакомился с проектами документов, которые готовила гайдаровская команда, и поразился тому, что не увидел среди них мер по либерализации хозяйственной деятельности. В своих недавно опубликованных воспоминаниях он рассказывает, как безуспешно пытался убедить Гайдара в необходимости принятия юридических решений по раскрепощению предпринимательской активности²².

Поняв, что Гайдар ничего подобного делать не будет, Киселев с помощью нескольких своих коллег подготовил проект президентского Указа о свободе торговли. Суть его была предельно проста: всем российским физическим и юридическим лицам (а не только государственным магазинам и государственным предприятиям) предоставлялось бы право торговать, осуществлять посредническую и закупочную деятельность. Во многом это была калька с того, что за два года до этого сделал Лешек Бальцеревич в Польше, аналог того, что сделал в 1948 году в Германии Людвиг Эрхард. Но именно это не было сделано в России 2 января 1992 года. С большим опозданием Указ был подписан Борисом Ельциным лишь 29 января 1992 года.

Показательна и реакция Гайдара на действия граждан после появления этого Указа, — похоже, что он совершенно не ожидал от него таких последствий. Проезжая однажды по Москве, он вдруг увидел огромные толпы людей. Каково же было его изумление, пишет Гайдар²³, когда выяснилось, что это были люди, вышедшие на улицы *торговать*. У многих людей был приколот к одежде или находился в руках вырезанный из газеты тот самый Указ о свободе торговли, впервые за долгие десятилетия позволивший заниматься в России частным бизнесом.

Оказывается, один из важнейших шагов по созданию частного сектора, слоя предпринимателей, свободной российской экономики, Егором Гайдаром не планировался. Когда же под давлением обстоятельств этот шаг все же был сделан, то он, похоже, был тут же забыт. Как бы то ни было, но инициатива по осуществлению одной из важнейших либерализационных реформ оказалась принадлежащей не Гайдару.

— Любопытно, что многие из тех, кто выжил в те годы благодаря этому Указу, и по сей день добрым словом поминают за него именно Егора Гайдара...

Такова природа мифа. Хотя проект президентского указа Гайдар по должности, конечно, визирует. Для нас же сейчас важно отметить то, что эта история с Указом о свободе торговли проливает дополнительный свет на мировоззрение Егора Тимуровича и дает еще одно подтверждение тому, что отсутствие упоминания в его публикациях необходимости создания слоя свободных предпринимателей, частного сектора, свободной экономики как до начала реформ, так и по завершении его работы в правительстве, было, очевидно, неслучайным.

Чтобы закончить эту часть разговора, следует отметить, что через несколько месяцев этот Указ подвергся довольно существенным изменениям, ограничивавшим свободу людей заниматься торговлей.

— Когда?

21 июля 1992 года вышел Указ президента в новой редакции. Иными словами, не прошло и полугода, как “реформаторское” правительство поспешило приступить к ограничению хозяйственных свобод, вырванных у него с таким трудом. Конечно, и с самого своего начала российские реформы были гораздо менее радикальными и более непоследовательными, чем реформы, проведенные Эрхардом в Германии, Бальцеровичем в Польше, Лааром в Эстонии. Но даже этот, более слабый, изначальный импульс “правительство реформаторов” начало гасить уже через несколько месяцев.

— В чем же причина?

А вот тут мы, похоже, вновь подходим к самому главному. К решающему фактору успеха или неудач в реформах. И не только в них.

К людям.

Мы уже говорили о книге Гайдара и его коллег “Экономика переходного периода”. Вернемся к ней опять. Это большая книга размером в тысячу с лишним страниц, в ней затронуты и профессионально обсуждены многие вопросы — путь страны из коммунизма, устойчивость государственной власти, неизбежность краха социалистической экономики, логика экономического кризиса, различные программы реформ, финансовая стабилизация, институциональные проблемы, ситуация в различных секторах экономики, реформы здравоохранения и образования, моделирование спроса на деньги, динамика занятости. В этой книге, не без оснований претендовавшей на роль энциклопедического сборника по российским реформам, многое есть. И подготовлены материалы качественно, и написана книга хорошо.

Но, знаете, чего в ней нет? В фундаментальной книге о российских реформах нет ни одного упоминания о том самом Указе о свободе торговли, о котором мы сейчас с вами говорили. Иными словами, не только до начала реформ, не только во время работы в правительстве, но и по прошествии ряда лет после ухода из него либерализационная составляющая экономических реформ осталась для Егора Гайдара фактически несуществующей. А ведь именно освобождение предпринимательской активности, предоставление экономической свободы является главным содержанием либеральных экономических реформ.

Что нужно для свободной экономики? Конечно, нужны свободные цены. Но не только. Гораздо важнее свободный предприниматель, свободный потребитель, свободный человек, который и может воспользоваться свободными ценами. Если свободного человека нет, если нет свободного экономического субъекта (как отдельного человека, так и фирмы), то кто сможет воспользоваться свободными рыночными ценами?

— А в самом деле — кто?

Государственные предприятия. В условиях ограничения и тем более отсутствия экономических свобод именно они становятся монополистами даже при свободных ценах. Если нет свободы хозяйственной деятельности, то невозможно, например, начать издавать новый журнал, — допустим, такой как “Континент”. Останутся лишь такие журналы, как, например, “Октябрь” и “Блокнот Агитатора”, другие же издания выпускать будет нельзя. При этом цены на разрешенные к выпуску журналы будут рыночными. Как Вы думаете, можно ли назвать такую экономику свободной?

При всей своей важности рыночные цены второстепенны по сравнению с наличием свободного предпринимателя и свободного человека. Если изначально нет лично свободного человека, то нет и свободной экономики и свободного общества.

Восточный базар — это своего рода символ, квинтэссенция, свободных рыночных цен. Но восточный базар сам по себе нигде и никогда не создавал свободного человека, не делал восточное общество свободным.

На мировом рынке свободные цены были почти всегда, в том числе и во времена Советского Союза. СССР продавал по рыночным ценам нефть, зерно, лес, удобрения, тракторы, автомобили. Но ни господство на мировом рынке свободных цен, ни продажа коммунистическим режимом по ним товаров на десятки миллиардов долларов ежегодно не меняли природы коммунистической системы, тоталитарного режима, советской централизованной экономики.

Когда в 1970-е годы цены на нефть поднялись в несколько раз, это дало советскому режиму дополнительно сотни миллиардов долларов и продлило ему жизнь. Поскольку рыночные цены политически нейтральны, они могут служить в качестве подпорки и демократической и тоталитарной системе. Рыночные цены не определяют суть политического режима и экономической системы. *Природа политического режима и экономической системы определяется не только и не столько свободой установления цен, сколько свободой других решений, принимаемых лично свободными гражданами. В этом заключается принципиальное отличие свободного общества от несвободного.* И, похоже, понимания именно этого принципиального различия у Егора Тимуровича Гайдара не было.

— *Но почему?*

По видимому, таким было мировоззрение Егора Гайдара.

— *Но чем это можно объяснить? В чем корень такого мировоззрения?*

Это очень важный вопрос, и мы к нему еще вернемся. Сейчас же хотел бы отметить, что для граждан в полудемократических и авторитарных странах, жизненно важно знать, каково мировоззрение ключевых лиц, принимающих в их обществах важнейшие решения. Каковы их политические, идеологические, экономические представления, каковы их взгляды на внешнюю политику, на внутренние проблемы и конфликты, каковы важнейшие принципы, в соответствии с которыми они действуют.

Что же касается Егора Тимуровича Гайдара, то он был одним из наиболее ярких, информированных и образованных представителей неидеологизированной части советской управленческой и научной элиты, искренне заинтересованный в спасении того, что, очевидно, с некоторой натяжкой можно было бы назвать унаследованной от СССР государственной системой. Такое спасение Гайдар видел на пути перевода советской экономики на рыночные рельсы, но без ее радикальной либерализации, быстрой стабилизации, без принципиальных преобразований природы отечественного государства. Его взгляды во многом отражали представления реформистской части советской бюрократии, осознававшей неэффективность командной экономической системы и неспособность осуществления своих политических и идеологических целей на прежнем экономическом фундаменте. При, конечно, его очевидном превосходстве в кругозоре и решительности в действиях.

Егор Гайдар оказался одним из наиболее подготовленных специалистов, способных провести *маркетизацию и монетизацию* российской экономики при сохранении основ прежней управленческой системы. Эта задача — по созданию рыночной монетизированной экономики — была им сформулирована и в основном решена. Однако в личном мировоззрении Гайдара и среди целей проводившихся им реформ не было задачи создания *системы свободного предпринимательства и свободного общества*. Такие цели им не были сформулированы, такие задачи им не решались и не были решены.

В отличие от Егора Гайдара у Григория Явлинского, судя по всему, такая цель присутствовала. Однако отдельный вопрос заключается в том, удалось ли бы Явлинскому, получи он пост руководителя российского правительства, имея он соответствующую политическую власть, располагая он необходимыми административными ресурсами, реализовать свою программу. Ответа на этот вопрос мы не знаем. История не дала ни ему, ни нам этого шанса и, как можно предположить, маловероятно, что даст в ближайшем будущем.

Промежуточные выводы начатого два с лишним десятилетия назад *Большого перехода* выглядят следующим образом. Во второй половине 1980-х годов в СССР начался переход от имперского государства с авторитарным политическим режимом и экономикой бюрократического торга к свободному обществу. К настоящему времени этот переход остается незавершенным. За это время произошел частичный переход к национальному государству при интенсивной регенерации в последнее время имперской идеологии и имперской политики. Был осуществлен переход к рыночной экономике, остающейся тем не менее сильно монополизированной с массивным вмешательством в нее со стороны властей и бандитов при энергичном размывании граней между одними и другими. Произошла глубокая деградация и до того бывшего весьма несовершенным правового порядка. После короткой демократической паузы и чуть более длительного полудемократического периода создан новый авторитарный политический режим, по ключевым параметрам являющийся более жестким, чем существовавший в стране двадцать лет назад. Ни полностью свободной экономики, ни правового общества, ни демократической политической системы в России создать пока не удалось.

Полученные результаты заставляют оценить данную попытку *Большого перехода* в целом как незавершенную и неудачную. Ее неудача объясняется — наряду с рядом объективных и субъективных факторов — главной причиной: отсутствием у лиц, находившихся во власти и принимавших ключевые управленческие решения, мировоззрения свободного человека, критически необходимого для создания свободного общества. Неизвестно, какой была бы недавняя отечественная история, если у руля российской власти оказались бы другие люди, с другими взглядами, иными принципами и целевыми ориентирами. Однако за прошедшие два десятилетия понимание того, что из себя представляет свободное общество, и какие действия и компромиссы на пути к нему недопустимы, в нынешней России стало более распространенным и более глубоким.

Беседу вели Игорь Виноградов и Ирина Дугина

(Продолжение следует.)

Сноски:

1 См.: “Континент”, №№ [134 \(№ 4, 2007\)](#), [136 \(№ 2, 2008\)](#).

2 Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991-1997. Под ред. Е. Т. Гайдара, 1998. Введение.

3 Реформаторы приходят к власти. Интервью П. Авена, С. Васильева, Г. Явлинского: <http://www.forbesrussia.ru/interview/45328-petr-aven-vo-glave-fsb-chubais-prines-ne-menshe-polzy-chem-na-privatizatsii>;
<http://www.forbesrussia.ru/interview/46101-reformatory-prihodyat-k-vlasti-sergei-vasilev>; <http://www.forbesrussia.ru/interview/45575-reformatory-prihodyat-k-vlasti-grigorii-yavlinskii>.

4 Последний банкир Империи.

<http://www.itogi.ru/report/2010/10/149469.html>;
<http://www.itogi.ru/report/2010/10/149629.html>;
<http://www.itogi.ru/report/2010/11/149893.html>.

5 Книга, написанная из-под палки. Интервью П. Авена журналу “Медведь”:
http://medved-magazine.ru/?mode=article_view&sid=7&id=277

6 Гайдар Е. Мировой кризис и Россия: Суть разногласий. “Ведомости”, 21 марта 2008 г., <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/03/21/144035>

7 Чубайс А. Страну не проиграли. “The New Times”, № 27 [73], 7 июля 2008 г., <http://newtimes.ru/articles/detail/3975/>

8 См.: “Континент”, №№ [140](#), [141](#) (№№ 2, 3, 2009).

9 The Economy of the USSR: Summary and Recommendations. IMF, IBRD, OECD, and EBRD, Washington, D.C., 1990.

10 Peck M. J. and Richardson T. J. What Is To Be Done? IIASA, 1991.

11 Реформаторы приходят к власти. Интервью Г. Явлинского:
<http://www.forbesrussia.ru/interview/45575-reformatory-prihodyat-k-vlasti-grigorii-yavlinskii>

12 Федоров Б. Десять безумных лет. М., 1999.

13 Реформаторы приходят к власти: Евгений Ясин:
<http://www.forbesrussia.ru/interview/46156-reformatory-prihodyat-k-vlasti-evgenii-yasin>

14 Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 60.

15 С Григорием Явлинским, инициатором создания указанной программы, мы познакомились осенью 1988 года... Он в это время заведовал Управлением социального развития в Госкомитете по труду и социальным вопросам и слыл восходящей звездой на явно не богатом талантами фоне правительства Рыжкова... Общее ощущение, сложившееся у меня по совместной работе с Явлинским, было довольно определенным. Несомненно талантлив, ярок, безумно честолобив, скрыто страдает от явных изъянов в своем экономическом образовании, в чем, к его чести, отдает себе отчет... Взлет Явлинского начался осенью 89-го... Явным исключением в ряду этих документов, правда, имевшим не

экономический, а политический резонанс, без сомнения, стала программа “500 дней”. набросок ее Григорий Алексеевич показал мне, кажется, в марте 90-го года. Содержательно в ней не было ничего особенно нового... Если беспристрастным глазом специалиста перечитать программу “500 дней”, то многие из ее сюжетов невозможно воспринимать без улыбки... Мы неоднократно обсуждали и с самим Явлинским, и с другими соавторами этой программы — Евгением Ясиным, Владимиром Машицем, Борисом Федоровым — их отношение к ней. Нет сомнения, что большинство из них ни в малой степени не сомневалось в ее утопизме. И вместе с тем в политическом ключе программа “500 дней” была в тот момент, безусловно, полезной... Именно это и заставило меня в конце лета 90-го года публично поддержать эту программу, лишь мягко высказав сомнения в реалистичности многих параметров, положенных в ее основу. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 62 – 65.

Явлинский вспоминал об отношении Гайдара к нему так: *положение у нас было, конечно, разное. Он был партийным публицистом высокого уровня... Мы шли с ним совершенно разными путями. Он был в журнале “Коммунист”, потом в “Правде”... Тогда вообще МГУшники ко всем остальным, и к нам из “Плешки”, относились как “белая кость”, “золотая молодежь” к провинциалам. Они ездили на практику за границу, в Австрию в Институт системных исследований, а мы работали на московской кондитерской фабрике. — Реформаторы приходят к власти: Григорий Явлинский: <http://www.forbesrussia.ru/interview/45575-reformatory-prihodyat-k-vlasti-grigorii-yavlinskii>.*

16 Из института ишу по телефону всех, кому можно дозвониться. Звоню помощнику Горбачева, О. Ожерельеву. Спрашиваю: *жив ли Михаил Сергеевич и можем ли мы для него чтонибудь сделать? Отвечает крайне уклончиво — разговор не поддерживается. Звоню в Белый дом Сергею Красавченко, Алексею Головкову. Прошу передать начальству, что институт в распоряжении российской власти. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 74.*

17 Гайдар Е. Выступление на Седьмом Съезде народных депутатов РФ 2 декабря 1992 г. — Гайдар Е. Сочинения в двух томах. М., 1997. Т. 2. С. 695.

18 Об этом речь шла в: “Континент” 2007, №134, <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>

19 Реформаторы приходят к власти: Евгений Ясин: <http://www.forbesrussia.ru/interview/46156-reformatory-prihodyat-k-vlasti-evgenii-yasin>

20 400 дней доверия. М., 2000. С. 6: <http://www.yabloko.ru/Publ/500/400-days.pdf>

21 Переход к рынку. М., 1990: <http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-days.html>

22 Указ “О свободе торговли” со временем стал символом эпохи “гайдаровских реформ”, хотя и не был таковым исторически, ибо правительство реформаторов вовсе не действовало сознательно в его экономической логике и, более того, изначально даже не планировало вводить такую норму. Идея отдельной нормы, отменяющей все торговые ограничения и таким образом жестко взрывающей старые формальные нормы и стереотипы поведения и поощряющей предпринимательскую инициативу населения, была известна по опыту реформ Бальцеровича... Но подготовленные к октябрю 1991-го на 15-й даче в

Архангельском проекты исходили именно из идеи “контролируемого”, дозированного и управляемого реформирования и, естественно, такого рода норм прямого действия не включали. Тогда к моим робким аргументам относительно непоследовательности, в том числе и в этом вопросе, Егор Тимурович остался глух. И лишь к концу декабря, когда критическая ситуация со снабжением в городах стала очевидной, я, постоянно к этой теме возвращаясь, получил добро на подготовку соответствующего проекта со стороны Сергея Васильева, к тому моменту директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве. Таким образом, указ “О свободе торговли” появился не как идейно логичная мера реформаторов, а как мера, скорее вынужденная обстоятельствами. И симптоматично, что готовило и согласовывало его не само правительство, а некий “инициативщик”... Итоговый вариант, согласованный с Васильевым, был затем мною завизирован у [вице-премьера Сергея] Шахрая и в необходимых для такого рода проектов инстанциях администрации президента... И лишь уже окончательно готовый для подписи президентом вариант мы с Алексеем Головковым, главой аппарата правительства и моим давним единомышленником, предъявили вице-премьеру по экономике, как бы поставив Гайдара уже перед фактом. Не скажу, что реакция его была воодушевленной. Но после некоторых колебаний он согласился его завизировать и передать на подпись Ельцину.

Однако история на этом не закончилась. Указ все не появлялся, а через некоторое время меня пригласили на совещание к Гайдару, где в качестве проекта указа обсуждался мой текст, дополненный целым рядом принципиальных поправок, полностью выхолащивающих его практическое и идейное содержание. Боязнь потери контроля, пусть и иллюзорного, брала свое... На совещании в первую очередь усилиями Васильева часть этих правок удалось отвести. Но в подписанный президентом указ все же вошли такие несуразные и прямо вредительские пункты, как “предельные торговые надбавки”. Т. е. традиция под видом контроля создавать поводы для административного рэкета восходит к самым первым и, казалось бы, даже наиболее радикальным действиям “правительства реформ”. — См.: Киселев М. О чем чуть не забыли реформаторы. “Русский Форбс”, 1 февраля 2010, <http://www.forbes.ru/column/40820-svoboda-torgovli-i-svoboda-ot-gosudarstva>

23 Проезжая через Лубянскую площадь, увидел что то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина “Детский мир”. Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно. “Очередь, — привычно решил я. — Видимо, какой то товар выкинули”. Каково же было мое изумление, когда узнал, что это вовсе не покупатели! Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты Указ о свободе торговли, люди предлагали всяческий мелкий товар... Если у меня и были сомнения — выжил ли после семидесяти лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе, то с этого дня они исчезли. — Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С 156.